

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

АЛЕКСЕЙ ШНЕЙДЕР

18+

Слова

РИЧБИЧ

Алексей Шнейдер

Ричбич

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шнейдер А.

Ричбич / А. Шнейдер — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-98151-5

Анна Купер - сильная духом девушка, подавляемая деспотичным отцом-тренером и инфантильным любовником. Черeda неприятностей ломает ее ценности, меняя полярность триггеров 21-летней спортсменки. "Хотите видеть мерзость и пошлость - вы получите все!" Знакомство и крепкая дружба с миниатюрной девушкой по прозвищу Полторашка дает Анне возможность почувствовать себя нужной. В руках Анны оказывается феромон, одурманивающий мужчин. Внимание, деньги, роскошная жизнь - кажется, счастье совсем рядом... Но за все нужно платить. "Что если одна капля феромона сделает тебя самой желанной?" Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-98151-5

© Шнейдер А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

И...	5
ОНА 1	9
ОН 1	23
ОНА 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алексей Шнейдер

Ричбич

И...

Утро, построение. Семьсот детей стоят на плацу и сонными глазами смотрят на плакаты с призывами к активной здоровой жизни и на физкультурников, изнуренных ночными похождениями.

Утренняя гимнастика. Самая бессмысленная и беспощадная часть местного распорядка, совершенно невыносимая для нас, избалованных городских. На дворе 1997 год...

Делать перед завтраком вращения руками, бедрами и головой – глупо. Вообще, если что-то и можно делать в восемь утра, так это спать. А не наблюдать мучения физрука и даже с расстояния в десять метров улавливать флер его похмелья.

Даже летнее солнце в это время так лениво, что смотрит из-за горизонта партизанским взглядом, проверяя – а надо ли вообще вставать?

Процедура выполнения утренней гимнастики носит характер традиции, что автоматически переводит ее в разряд ритуалов, которые потеряли смысл, но исполняются для того, чтобы не утратилась связь времен. То есть, делается для чего-то во благо чему-то.

Завтрак. Время, когда некогда грустить. Ты должен успеть урвать свою порцию вязкой, как цементный раствор, каши, тяжелое, будто камень, яйцо и – самое вкусное – ломоть воздушного белого хлеба с поджаренным краем и лежащим на нем куском сливочного масла. Именно куском. Потому что людям за стойкой раздачи в столовой, видимо, некогда кромсать огромные кирпичи масла на порционные кубики, а затем размазывать по хлебу. «Мы так до ночи будем этой херней заниматься,» – представляется мне реакция краснолицего парня в белом халате на раздаче.

Хлеб и масло здесь намного вкуснее, чем городские. Это местный десерт. Масло сладковатое и нежное. А хлеб подсоленный, пористый, он отдает дрожжами и напоминает о доме. Думаю, поэтому иногда за хлеб дерутся – хотят, сильно хотят домой.

Поначалу пресная еда вызывала отвращение. Она не лезла в рот. Но бегать с пустым желудком оказалось еще более отвратно. Голод напоминал о себе сосущим и тянущим ощущением в животе и болезненным урчанием. Так что приходилось есть.

Задача оздоровительного лагеря – оздоровление молодежи. Молодежь – это вообще-то 16–20 лет. А мне всего-то двенадцать. Какая я молодежь?.. Бабушка сейчас дома печет пирожки с земляникой – вот это я знаю точно.

Столовая – это концентрация опасности. Так что, когда ешь, постоянно косишься – как бы не прилетела каша в лицо или каменное яйцо. А еще все охотятся за твоим куском хлеба с маслом. Его нужно сразу целиком запихнуть в рот, чтобы не соблазнять кружащих возле тебя голодных и озлобленных.

Я сижу за завтраком. Мои щеки раздуты, а глаза дико вращаются – я оглядываю столовую в ожидании подвоха. Я жду чего-то, а это что-то уже произошло: реальность уже трахнула меня. Осознание придет позже. Это действие с отложенным последствием.

Обычно я стараюсь занять место за столиком у столба-опоры – если сесть к нему спиной, сзади никто не подкрадется. Сегодня мне это удалось.

В попытках не подавиться, прожевывая плотный комок во рту, можно посмотреть на тех, кто, в силу своего гендера, обладает особым магнетизмом. Больше всех магнетизмом обладает она. Особенно когда убирает за ухо падающую на фарфоровое лицо черную челку и как будто виновато смотрит исподлобья.

Вот другие девчонки. В них нет ничего, что сильно отличало бы их от мальчишек. Они просто чаще кучкуются и всегда находят, над чем посмеется. Вот и сейчас они смотрят по сторонам, переговариваются и хихикают. Отворачиваюсь. Снова смотрю на нее – она что-то обсуждает с девчонками. Не меня.

Коля со мной не поздоровался, прошел мимо, как будто не заметил. Он вчера поступил неправильно, даже гадко. Он должен был вступить за меня. А предпочел пройти мимо. Я думал, мы друзья...

А Сережа оказался совсем другим. Не таким добродушным, как был в автобусе, когда мы ехали в лагерь. Какая-то издевка появилась в его глазах.

После завтрака я медленно добрал до корпуса, сел на кровать. Мне нужно пробыть здесь еще двадцать дней...

– А ты че, не пойдешь? – спросил забежавший в корпус мальчишка.

В нашем отряде все были примерно одной комплекции и возраста. Кроме тех троих, что всегда играли в карты у крыльца. И Сережи – он был мельче всех.

– Куда?

– Как куда? На котлован, – мальчишка достал из-под кровати чемодан и начал быстро выкидывать из него вещи. Обнаружил то, что искал, остальное кучей запихал обратно.

– Так говорили, вроде, нельзя, – неуверенно проговорил я.

День разгорался, становилось душно.

– А мы на другой.

Летом в любой воде хорошо. Дома, на песочном пляже: можно идти километр, а вода в озере все равно по колено. Встанешь на руки, как для отжиманий, и бредешь себе, тащишь под водой ноги. Вода не холодная. Скорее, прохладненькая. Как замерзнешь, поднимешься. Ветер тепло обдует, солнце быстро согреет – ты снова на руки и мутишь ногами воду, вздымая песок.

...– А куда идти?

– Пошли за мной. Только быстро, – глаза соседа горели нетерпением и азартом. Он мысленно уже плюхался в воду.

– Пошли, – я встал.

– А плавки? – остановился тот в дверях.

– У меня нет, – я опустил глаза. – Я так, в шортах. Они же быстро высохнут.

Мы бежали кустами вдоль забора лагеря. Нас не должны были увидеть. Вчера Марина, наша вожатая, несколько раз повторила перед отбоем, что на котлованы одним ходить нельзя. Но мы же не одни идем. А вдвоем.

– Давай сюда, – мальчишка отогнул сетку забора у самой земли. Страх нарушить запрет волной прошелся по спине. Я нырнул в образовавшуюся дыру.

– Мы вчера вечером уже туда ходили, – резво шагая впереди меня, начал рассказывать он, – и нашли большой котлован. Там даже есть тарзанка и остров на середине. Мы играли в пиратов.

– Как? – глядя в его бритый затылок, спросил я.

– Мы, эта, нашли бревна. Они же плавают. И на них, вот, доплыли до острова. Мы вчера его захватили и поставили свое знамя, в смысле палку. Ты прыгай через лепешки!

С этими словами он показал, как надо.

Исполинские каменные лепешки по пять-десять метров в диаметре и толщиной в метр, лежали под нашими ногами. В щелях между лепешками росла жесткая трава и сухой карагач, который можно было принять за извивающихся гадюк. Миллион лет назад окаменевшая лава. Я никогда такого не видел. Мы ретиво перепрыгивали эту древность. Лепешки лежали друг на друге, так что иногда приходилось взбираться наверх по их пока еще прохладной тенивой

стороне. Я полз по гладкому бежевому камню, кладя ладони в гладкие впадины, причудливо просверленных степным ветром.

– Все, пришли, – весело заявил мой соплеменник. Он стоял на одну лепешку выше, положив руки на пояс. Глядя куда-то вперед, он продолжил: – Давай, догоняй!

И побежал вниз.

Я выбрался туда, где только что стоял он, и моему взору открылся бассейн. Только не тот, что в городе, выложенный белой кафельной плиткой, а настоящий, природный. Вокруг него росли деревья, погружая в воду свои тяжелые ветви, кудрявые кусты и напитанной влагой щетинистой травы. Из-под множества детских рук в воздух взлетала желтовато-зеленая вода, сверкая в лучах солнца. Визг и вопли лагерной шпаны эхо разносило по округе.

– А-а-а-а! – раскинув руки, я побежал вниз.

Быстро разделся, но от спешки затянул и запутал шнурки, так что кроссовки пришлось с усилием стягивать с ног.

– Потом развяжу, – сказал я сам себе и бросился в воду.

Прохладная вода радостно приняла меня. Плавать я не умел, но молотил руками и ногами как ошалелый. Быстро выдохся. Опустил ногу и понял – дна здесь нет. Игла испуга кольнула в сердце. Я выпрямился. Успокоился, посмотрел на ребят, понял, что там, где я прыгнул в воду, дно было примерно на уровне шеи. Значит, сразу от берега оно резко уходило вниз. У берега мельче, все нормально. Но эти доли секунды преждевременной паники меня выбили из праздника.

Вышел на берег. Время близилось к одиннадцати, и степное солнце быстро высушило мою одежду. Сначала нежные и ласковые, через пять минут прикосновения солнца превратились в пчелиные укусы – тело жгло так, что, не выдержав, я снова прыгнул в воду.

Пацаны таскали с берега бревна и плыли на них до острова. Где-то метров десять. А там пытались штурмовать занявших остров пиратов, которые засели на невысоком холме у берега.

– Че стоишь? Хватай, – держа два бревна за толстые кривые сучки, закричал чумазый пацан, с которым я пришел. – Мы сейчас их сделаем.

На острове шла бойня. Всех, кто подплывал, четверо ребят скидывали обратно в воду, не позволяя захватить их твердыню, их Камелот.

– Я не умею плавать, – схватив скользкое и грязное бревно, попытался отказаться я.

– Ты, эта, держись крепче за ветки, – он демонстративно схватился за самые мелкие сучья своего обрубка. – Вот так. Понял?

Я кивнул ему в ответ и потащил корявое бревно в воду. Оно скользнуло по мшистой слизи дна, погрузилось в воду и тут же всплыло.

– Впере-е-е-д! – заорал пацан и погреб, волнуя желтое зеркало котлована.

Бревно, покачиваясь под порывами скромных волн, дергало меня за руку и звало скорее начать биться с шумными ребятами на острове веселья.

Не отплывая от берега, я обнял шершавое бревно. Чуть погрузившись, оно все же держало нас на плаву. Не спеша, размеренно гребя одной рукой, поплыл к острову. Толстый нос моего корабля лениво разбивал волну. Величественное судно шествовало по неизведанным водам. И я – капитан этого пиратского монстра. Справа и слева брызги взлетали в воздух, попадали на меня – это будоражило, добавляло азарта. До острова оставалось не больше трех метров.

«Скоро мы одолеем неприятеля!» – подбодрив свою вымышленную пиратскую команду, я погреб еще быстрее.

– Дайка-ка! – услышал знакомый голос с хрипотцой. И кормой бревно начало погружаться в воду.

Обернувшись, я увидел вчерашнего обидчика – того, кто отнял у меня мороженое.

– Че смотришь?! Грабли убрал, – перебирая по бревну руками, пацан подплыл ко мне вплотную, – Разжимай свои коряги! – он говорил и одновременно толкал меня. Он был сильнее, жестче меня.

– Я не уме... – попытался возразить я, выпустив бревно из рук, но мелкая волна плеснула мне в рот, и я сразу погрузился под воду.

Паника молотом била в грудную клетку. Руки и ноги дергались сами по себе, пытаюсь хоть как-нибудь вытолкнуть тело наверх. Но движение вниз так и продолжалось. Я попробовал зацепиться за бревно, но оно проплыло надо мной, и мои вытянутые руки напрасно водили по его недосыгаемому силуэту.

Дна не было видно. Желтая муть воды становилась под ногами черной бездной, готовой меня поглотить. «Кто-нибудь!» – беззвучно крикнул я – и лицо исказила жалкая уродливая гримаса.

Высоко надо мной проплывали бревна, рядом с ними скользили по воде ребята. Никто меня уже не услышит, никто не спасет. Наступило отчаяние. Руки и ноги остановились, безразлично падая в толще воды. Пальцами ног я почувствовал холод затягивающего меня темного дна. Неспешно и неотвратно оно втягивало в себя мои стопы, голени, бедра, живот. Я не мог смотреть вниз. Казалось, если посмотрю туда еще раз, то уже не увижу золотых рук солнца, ищущих меня в этом мутном бассейне. Растворившись, я стану этим самым темным дном, которому имя Ничего. Но я и есть жалкое ничего...

Холод подобрался к шее, сдавив безжалостным кольцом. «Это все. Дальше уже ничего не будет?» – задал я себе вопрос.

Смиренной веткой, упавшей в пруд, я шел ко дну...

ОНА 1

Меня зовут Аня. Мне 21 год. Я обладательница двух кубков чемпионата Европы, призер международных соревнований, неоднократная чемпионка России по фехтованию. Готовлю посредственно, дружу так же. У меня нет друзей. Так сложилось, что своим самым большим преимуществом в жизни я считаю то, что неплохо умею доводить мужчин до оргазма не стягивая свои трусики. Многие не любят грубостей, и для них пошлость неуместна. Хорошо, поясню для вас: я искусно манипулирую естественном. Считаю, что делаю это настолько умело, что могу брать за это первые места на международных чемпионатах.

Это не тот навык, которым можно хвастаться в компаниях, когда спрашивают, что ты умеешь делать отлично. «Я неплохо играю на гитаре. А я отлично готовлю каре ягненка. А я, знаете ли, отлично передергиваю. Да что там говорить, давайте покажу»... Нет, конечно. Навык этот очень интимный. Я делаю это одинаково умело и правой, и левой рукой. Я – амбидекстр в мире «дружеского рукопожатия». У меня очень нежная, мягкая кожа, и потому я могу себе позволить удовлетворять «на сухую». Главное – это техника.

Правильная постановка кисти, хват и темп – он должен быть постепенно нагнетающим. Ты не сразу хватаешься за него, как за штурвал во время шторма в девять баллов. А водишь для начала рукой по джинсам, кокетничая с мужчиной. Потом расстегиваешь пуговицу, «молнию» ширинки, раздвигаешь ее края, будто кожуру мандарина. Проводишь по торчащему из-под трусов жесткому корешку вверх и вниз. Не туда-сюда двадцать раз. А только раз вверх и раз вниз, обозначив намерения, показав: дальше будет интереснее. И только потом, не торопясь, снимаешь с него трусы. А там он, живой, пульсирующий, кидается на тебя. Берешь нежно, словно боишься обидеть. И плавно стягиваешь чехол. Потом натягиваешь обратно. Потом чуть быстрее. Далее сжимаешь чуть плотнее. Потом снова быстрее и плотнее. В этом процессе есть своя философия любви. Она жертвенна, оттого и абсолютна.

У меня было всего-то три мужчины. Да, небогатый опыт. Первого не помню. Была с ним всего раз. Да, так случается в колледжах олимпийского резерва с полным пансионом. Вписки, гулянки, выпивка. Там все и попробовала за раз. Этого раза хватило на то, чтобы сказать всему этому – нет. В месте, где люди должны быть нравственно не поколебимы, чаще встречаются заядлые алкоголики и наркоманы – парадокс. К окончанию колледжа здоровья у них не остается. И единственное, чем им можно гордиться, так это бывшей реакцией, бывшими заслугами и воспоминаниями.

Второй мужчина – мы с ним уже три года. Женя. Он старше всего на тринадцать месяцев, но всегда казался мне не по годам развитым. Такой он, со своим мнением, не похожим на мнение остальных. Крепкий торс, наглый взгляд. Романтик. Мы сходили с ума друг от друга. Часами могли болтать ни о чем и обо всем. Он говорил: «Ты умелая». Еще бы. У меня развитые жилистые запястья, накачанные предплечья, выносливый бицепс и тугая дельта. Это все результат длительных занятий фехтованием.

Мы только друг другом и были увлечены. Это казалось про то самое, про настоящее. От чего дышать легко и пьяно.

Но так казалось первые полтора года. А потом я заметила: смотришь в его одурманенное травой лицо – и становится ясно. Ясно, что я наивна и уже год по сути содержу этого пышущего здоровьем ленивого альфонса. А его уникальность только в том, что он старается жить за мой счет с моего согласия. Особенность его характера заключается в простой формуле: когда он хитрит, то он еврей, когда слышит скандинавские мотивы, то финно-угр. Но никогда, блин, никогда, он не инфантильный идиот!

Последнее время все чаще думаю, как покинуть "совместное счастье". Не могу с ним разделить его увлечение ФиФой и бездельем. Зато он не пьет. Но много курит. Постоянно тянет косячок.

И однажды это случилось.

Звонит. Я, говорит, в КПЗ. Хихикает. Думаю, обкурился утырок, херней занимается. Че, говорю, ржешь, домой давай. А ему смешно. Тут в телефоне слышу резкий такой и четкий голос. Мужчина. Представляется Андреем Геннадьевичем. Приглашает к себе в отделение, намекнув на срок для суженного. У меня ноги подкосились. Замутило. Захотела взрослой жизни? На! Все сбережения собрала. А следак сидит такой участливый и говорит: «Мало. Я же не один. А он еще и сопротивление оказал.» Отдаю телефон. Снимаю цепочку, матерью подаренную, кольцо. Он подходит. Пальцем так небрежно раскидывает побрякушки по столу. «Мало. Решай скорее. Нам уже его оформлять надо», – говорит и присаживается на край стола, близко так ко мне». И смотрит пристально, глаза не отводит. Испытующе. «Так у меня больше ничего нет», – говорю. « У тебя есть гораздо больше, чем ты думаешь...» – и руку мою кладет к себе на штаны. Это был третий.

Парня своего отмазала.

Сидит теперь перед ящиком, курит.

— Жень, – стою перед ним. – Же-е-ень! – смотрю на него зло. И вижу, что его глаза затуманены. Я в них не отражаюсь.

Скорее отвернулась – хотя он и не заметил, что я заплакала. Закрылась в ванной. Сижу, думаю. Прошло столько времени – а до меня только сейчас дошло: я дура. Зачем мне он? Я плачу за квартиру и приношу продукты домой, готовлю, убираю – обслуживаю, защищаю. А у меня – соревнования! Сейчас отборочный на Россию. Вечером тренировка.

Не о такой доле я мечтала, когда покидала отца. Он, кстати, за три эти года ни разу не приехал посмотреть, как живет его дочь. С характером у нас все в семье. Заносчивые, принципиальные. Против воли отца ничего делать нельзя. Он же не просто человек, а заслуженный тренер России. Звезда, шишка в мире спорта. Он таких людей лепил. И из меня хотел слепить. Сейчас домой к нему вернусь – скажет укоризненно: я же говорил. На тренировках все время выжидающе смотрит. Думает, расплачусь и к нему побегу: «Папочка, миленький, прости дочку-дуру!» Дура-то я, может, конечно, и дура, но мне не за что просить прощения. Никого я тогда не оскорбляла. Сказала просто, что хочу жить самостоятельно и не в общежитии колледжа. Как он смотрел. Это был не взгляд отца. Это был взгляд надзирателя.

...Никогда не обращала внимания, какой сырой и спертый запах в спортзале. Это и не удивительно. Ведь тут занимается по пятьдесят человек в день. У некоторых по две тренировки. Прыгают, прыгают. Зачем прыгают? У половины из присутствующих нет даже малюсенького шанса попасть в отборочный. Две трети от второй половины более или менее могут делать контрвыпады, чем удивят, возможно, соперника, но тут же сдуются. Еще треть делает технически правильно выпад, еще треть из них – третью и четвертую защиты. И все. Они еле живые. Ноги медленные, словно поломаны в трех местах. Ни грации, ни пластики. Если и выигрывает кто из них, то случайно. И потому, что с другой стороны им достался олух с навыками из первой половины.

Я люблю шпагу. В отличие от рапиры и сабли, у нее больше свободы. Состязание на шпагах приближено к реальному бою. Здесь меньше ограничений. Ты не должен ждать атаки, чтобы, отбив, контратаковать. Ты просто рубишь, рубишь.

...Запах все же спертый. Раньше не замечала. Противный, смрадный. Думала, сожгла нос на работе. Нет, чувствую.

Руки сегодня тяжелые. Перчатка от нескольких лет усилий пропиталась потом, периодически ее все-таки нужно стирать. Достая из шкафа маску и шпагу. Иду мимо одинаковых рядов шкафчиков коричневого цвета – пережитка обшарпанного прошлого. Лампы сверху горят через одну. Сколько занимаюсь в этом зале, столько лампа над выходом мигает. Сообщает: выход здесь.

Зал почти такой же большой, как баскетбольный. Светлый. И эта коричневая краска, что на шкафчиках, теперь здесь и на полу. Раньше на это я тоже не обращала внимания. Они ею все покрасили? Смотрю себе под ноги. Протертые некогда белые кроссовки посерели, стоптавшись на сторону. Я их купила на первые выигранные деньги на чемпионате Европы в Торуне. Мы пили всю ночь, а наутро я забрала медаль. Все это похоже на затянувшуюся игру, детскую шалость. Только сегодня играю не для своего удовольствия, а для сдержанной улыбки отца.

... – Анна, – ко мне подходит мужчина преклонных лет.

– Да, папа, – его раздражает, когда на людях я обращаюсь к нему не по имени-отчеству. Словно каждый раз он теряет очки авторитета.

– Борис Анатольевич, – язвительно напоминает подвижная испанская борода, такая же белая, как и жиденькие волосы на макушке. Отец говорит, пропуская воздух через чуть приоткрытый рот, – это у него означает верх раздраженности.

Закатываю глаза:

– Да, Борис Анатольевич.

— Анна, тренировка уже семь минут как началась, – наставительный монотонный гундеж несетя со стороны испанской бородки.

Я соглашаюсь и присоединяюсь к остальным тренирующимся.

Отец переключается на весь зал и громко хлопает в ладоши, привлекая внимание спортсменов:

– Так, продолжаем разминку.

Зал размечен длинными белыми линиями, формирующими коридоры для энергично приседающих фехтовальщиков. Два десятка проваливающихся в недошпагате парней и девушек – словно молоточки в рояле отбивают бит на выдохе. Вверх-вниз. Старательно. Посматривая на отца, то есть на Бориса Анатольевича. Вверх-вниз.

– Так, хорошо. Покажите мне правильную стойку, – отец обрывает запыхавшихся учеников. – Анна, как выглядит правильная стойка, – не глядя, указывает он, вытянув руку. Внимание зала переключается на меня – на призера кубка Европы, на призера чемпионата России 2015 и 2016 годов. Встаю в стойку с видом, соответствующим моим регалиям.

– Что это, – презрительно сморщившись, разводит руками Борис Анатольевич. – Это что по-твоему, стойка? Где должна быть левая рука? – он дергает меня за руку. – Осанка должна быть, как кол в спине, прямая. Перемести, – берет за талию, – перемести центр тяжести, – отдергивает меня назад и мотает туда-сюда в стороны. – Твои победы больше похожи на случайность с таким подходом к спорту, – вот что на весь зал говорит мой тренер.

Чувствую, как стремительно краснею. Ноздри раздуваются, втягивая спертый воздух. Темно-коричневая краска, будто тягучая смола, ползет на меня из-под кроссовок. Она делает неподвижными ноги, ползет выше. Бедра, живот, грудь уже потонули в темной смоле. Вот она уже подбирается к вытянутой руке со шпагой.

– Голову выше, – тренер бесцеремонно приподнимает мой подбородок.

Смола удушливо сдавливает горло. А в руке я держу уже не рукоять шпаги, а часть следователя. Вытянутую, жесткую, возбужденную часть Андрея Геннадьевича.

– Стойка – это исходная точка вашей техники и часть победы. Отрабатываем, – тренер хлопает в ладоши, завершив наставления. А испанская борода сжимается, под сединой пряча старческие губы. – Перемещение. Не стой, Анна! Мы становимся в стойку. Начинаем с правой ноги и далее перемещаем левую ногу. Спинка ровная, не сгибаемся. Шаг вперед, – тренер

придерживает меня за спину, – шаг вперед, шаг назад. Начинаем с левой ноги. Шаг назад, шаг назад, – он дергает меня вперед-назад, как безвольную куклу. – Теперь шаг вперед, шаг вперед. Выпад! Закрыться! – он контролирует, держа меня за талию. – Студент, внимательнее, – кричит в ухо. – Закрыться! Выпад! Закрыться. Что у тебя со спиной?

– Немного потянула, – оправдываюсь я.

– Валентина Вещали, итальянка, – он говорит громко, чтобы в любой части зала его слышали, – несколько лет выступала с травмой колена и перенесла операцию на крестообразные связки. Но это ей не помешало стать одной из самых титулованных фехтовальщиц планеты. Расскажи о своих травмах Алексею Черемисинову с проткнутой рукой. Или Виктору Кровопускову. Хватит ныть. Возьми себя в руки! – Борис Анатольевич считает своим долгом воспитывать не просто учеников, а спартанцев, чья основная задача в жизни – крушить соперника. И особенно активно он воспитывал меня – я же его наследница и не имею права быть хуже.

– Так, это все. Отрабатываем, – обращается он к ученикам. – Анна, на мишень, – он не смотрит в глаза. Говорит так, между делом, занимаясь с другими учениками. Так, словно я не заслуживаю большего внимания.

«Монотонность упражнения – залог успеха!»

Я стою перед мишенью. «Монотонность упражнения – залог успеха», – я уже думаю его фразочками и делаю выпад, выпад, выпад. Ненавижу мишень, фехтование, отца, Женю – всех.

Привычный диалог отца строится на ультиматумах и угрозах.

У меня не было выбора: заняться танцами или пойти в кружок рисования. Вся моя карьера, жизнь были спланированы до моего рождения. И к реализации этого плана жестко вел отец.

«Спорт – постоянная жертва», – говорит тренер. Но кому и чему приношу жертву, если мне это не нужно? Мне не нужны медали, ленточки, грамоты. Я больше не нуждаюсь в поощрении, внимании, гордости заносчивого отца. Мне не двенадцать лет и понимаю разницу между любить и тиранить.

Тренировка со злобой обычно заканчивается в два раза быстрее.

– Анна, завтра выходной. Послезавтра...

– Отборочный, – я перебиваю отца. Его это раздражает еще больше, чем опоздания. Он уходит.

Потная одежда падает в сумку. Сажу в раздевалке и думаю про последние три своих года. Что в них было такого, чтобы я так ненавидела себя сейчас? Руки кажутся грязными.

Вонючее хозяйственное мыло скользит в моих ладонях, когда я стою над раковиной.

Снова сажу в раздевалке. Домой ехать не хочу. Просто не хочу. Мне противно. Я не знаю, зачем мне туда нужно. Звонит телефон.

– Да, мам... Привет... Давай... Куда?.. Буду через час.

Мама ушла от отца лет семь назад. Сказав, что лучше пойдет на панели работать, чем будет выслушивать его старческий гундеж. Выходила она, знаете ли, за другого человека. Собрала вещи и ушла. Просто взяла и ушла от нас. Мне было жаль отца. Но он как будто и не расстроился. Я думала, что ему не позволяет характер показывать эмоций. Но сейчас думаю, что не было их совсем, этих эмоций.

Он часто бывает невыносим.

Встретились с мамой в кафе на Тверской – потому что ей так удобнее.

– Как твои дела? Как твой, э.. – мама не помнит его имени.

– Женя.

– Да, этот симпатяжка, – улыбается она, что-то вспомнив.

– Да, как-то все,.. – я собралась уже поделиться переживаниями, но мама перебивает:

– Так, смотри. Мне нужна твоя подпись, – ей неважно, что у меня. Ей важно только – что у нее. Всегда только она. Все разговоры только о ее несчастной судьбе. Как она угробила свою молодость на пожилого мужа, на материнство. А ведь могла бы построить карьеру. Но тут эти пеленки, сады. Ребенок много внимания требует... И подружки у нее такие же: «Если бы, Аня, не ты, она бы давно развелась и построила бизнес или стала руководителем! Салона, мега-корпорации и еще бог знает чего...»

– Что это?

– Да какая разница? Просто подписывай здесь, – мама нервно тыкает пальцем в бумагу с жирной надписью в шапке «Договор безвозмездного отчуждения». – Господи, мне еще приходится выпрашивать свое. Сколько можно? Ты ведешь себя как отец – невыносимо! – она достает пачку сигарет. – Только все и думают, что о себе. А обо мне кто побеспокоится? – легкий винный аромат доносится до меня. Она снова пьяна. – Столько сделала для тебя, а ты все одно. Я для тебя враг, что ли? Если бы не я...

— Что, если бы не ты? Что, если бы не ты, мам?! – я наклоняюсь к ней через стол.

Она замерла, убрав сигарету в пачку.

– Я бы не закончила колледж? Я бы не стала чемпионкой Европы? Я бы не нуждалась в деньгах? Я бы не искала материнского совета, ласки, любви? Что, если бы не ты, мама? – впервые я почувствовала желание ударить эту женщину.

Она сидит, уставившись на красно-белую пачку сигарет. Я зло хватаю бумажку, смяв край, нарочно вывожу огромную подпись, вылезая за обозначенные ей края. – Это должно сделать тебя счастливее, – бросаю ей в лицо документ и ручку.

Столько раз казалось, что рано или поздно мама посмотрит на мои медали и скажет: молодец. Посмотрит на то, какая я стала взрослая, и скажет, что во мне не сомневалась. Теперь я не сомневаюсь. Не сомневаюсь, что она – тварь.

Захожу в продуктовый магазин у своего дома.

– Пачку "Кисс" и два джин-тоника.

– У нас сегодня праздник? – зайдя в кухню, спрашивает Женя.

— Да. Похороны, – я запрокидываю голову и залпом выпиваю джин-тоник. Глоток, глоток. Я чувствую Женин взгляд на своей шее – там, где еле заметный кадычок отправляет внутрь кислое пойло.

– Кого хороним? – потирая руки, Женя присаживается рядом.

– Прошрое.

– Это мое любимое мероприятие, – он тянется к банке.

– Купи себе сам! – резко кладу руку сверху его руки.

– Не больно-то, – Женя начинает привычные манипуляции.

Сейчас он встанет. И с кислой рожой пойдет в комнату.

Да. Так и есть – встает и идет в комнату.

Сейчас он включит на всю громкость телевизор и будет сидеть в телефоне, демонстрировать равнодушие и искать очередную дурочку на сайте знакомств. За три года я насмотрелась на этот театр драмы.

– «Давай, дурмань, горячая вода», – читаю название на банке.

Из комнаты слышится громкая музыка.

Ложусь в кухне на диван. Приходит Женя и ложится рядом. Сопит. На меня не смотрит. Демонстрация презрения продолжается. Но мне, вдруг, стало все равно. И почему раньше так не делала? Все переживала. Чего-то дергалась, плакала, просила. А сейчас все, что я хочу, – это спать. Тяжелые веки смыкаются сами собой, и мне кажется, от такого спокойствия я даже всхрапываю.

Просыпаюсь от того, что его рука мнет мою грудь под футболкой. Уже глубоко за полночь. У Жени всегда был свой режим, и обычно я под него подстраивалась. И сейчас все это кажется странной формой полового сожительства.

Достаю его пятерню и отшвыриваю к остальному телу.

— У тебя кровавое воскресенье? – шепчет он и лезет в трусы.

– Отвали, сказала! – я отворачиваюсь.

– Совсем немного нежности для любимого. Ты же не хочешь меня расстроить? – он тянется меня поцеловать.

Перебил мне сон. Я его ненавижу. Меня воротит от него.

– Хочешь внимания? Нежности?

Он улыбается.

– Ласки? – я улыбаюсь ему в ответ, приподняв брови.

– Как ты хочешь? – Он валится на спину, заложив руки за голову.

Я молчу.

– Ну, мне нравится, когда ты фантазируешь, – от него воняет трехдневным отсутствием души.

– Например, так? – сдергиваю до колен его трусы.

– Да, – тихо говорит он.

– Или так? – целую его в грудь. Он кивает. – Может, так? – целую в живот. Он закрывает глаза. – Или так? – целую в бедро.

Он глубоко вдыхает:

– Да, да.

– Тогда иди и подрочи!

Он вскакивает с дивана. Злой, тупой.

– Ты охерела?! Так не делают!

– Ты мне отвратителен. Ты эмоционально ущербен и интеллектуально низок! – я четко выговариваю каждое слово, вбивая их в его глупую голову.

– Так не живи со мной!

– Отлично! Собери шмот и вали на хер, – я продолжаю изъясняться высоким стилем.

В его глазах страх – он не контролирует меня. Он понимает, что теряет меня и все, что было удобно столько лет. Он шлепает по выключателю. Зажигается свет.

– Отлично!

– Давай, тоскливая манда, шуруй! – кричу не я, а накопившееся во мне несогласие. Я только сейчас поняла, что Женя никогда не сделал бы для меня столько, сколько сделала для него я. Он бы не прятал в трусах мою траву и не ублажал капитана. Его гордость выше моих бед.

– Иди к лешему, потаскуха! – вопит он, натягивая куртку.

– Я всегда была тебе верна, – мне стала понятна направленность его мысли.

– Расскажи это следаку, – он ухмыляется и, отвернувшись, открывает комод.

– Тварь! – мои ноги подкашиваются, а к горлу подступает тошнота. – Урод! – мои кулаки бьют по спине презираемого Жени, который растаптывает последнее, что нас связывало. Но руки стали вдруг вялыми. Бессильными тряпочками они хлопают по спине мерзкого шакаленка.

А он скалит зубы и ржет.

– Да отвали, проститутка! – Женя с силой толкает меня. Я падаю, ударяюсь головой о стену.

Хлопает дверь. Он ушел.

Я плачу. Не от боли – от предательства. Время – не лучший друг. Время – кислота. В ней растворяется все. Проблемы, дни и бывшие.

Доползаю до дивана. Засыпаю.

С трудом открываю глаза. На телефоне 16:35 – ого, я проспала 13 часов.

Обхожу квартиру. Входная дверь осталась незапертой, а на месте для башмаков Жени – пусто. Он не вернулся. Наверняка, завис у своих дружков. Да и все равно. Будет ждать моего звонка или сообщений. Играет со мной. Надоело. Но тошнотное чувство осталось.

Заказала смену личинки замка. Усатый дядька сделал все за час. Новые гладенькие ключи девственно блестят. Зубастые, они забавным украшением ложатся мне в руку, и я чувствую вес давно назревшего и принятого решения.

В день накануне соревнований я обычно ничего не делаю. Просто лежу. Никаких гаджетов, телевизора, соцсетей, разговоров, книг – ничего. Но не сегодня! Да, я могу себе позволить нажраться.

Два джин-тоника растворились во мне так, словно я пила воду с привкусом радости. На фоне звучит «Фаннел оф Лав бай». Я сажусь напротив зеркала. В отражении уставшая девушка, которая не может выйти из состояния зависимости от тех, кто держит пистолет у ее виска.

«Жалкая потаскуха!» – выплескиваю джин-тоник на отражение – оно теперь улыбается растекшимися глазами персонажей Пикассо. Жирно мажу помаду о губы, обхожу по кругу. Еще раз. Еще. И еще. Не жалея жирный стержень, раскрашиваю и раскрашиваю рот. Пусть он подает сигнал: девушка готова к любви.

Направляю настольную лампу в лицо – я хороша. Вытягиваю губы, сжав их в поцелуе. Забыть такую нельзя. Мой образ – «Королева».

Джин-тоник тянется через полосатую трубочку к алым губам, приятно покалывает язык. «Слатшейминг» – говорю максимально эротично и наблюдаю за своим отражением. Высовываю язык и играю с трубочкой. Она непослушная, как и я.

Приближаю лицо к зеркалу, подвожу черной кистью глаза. Отодвигаюсь, смотрю на отражение. «Дрянь, – смеюсь, – дрянь!» Трубочка, язык, джин. Встаю. Раздеваюсь. Зеркало показывает голую меня, джин-тоник, секс.

Поднимая руку с банкой, свожу ноги, присаживаюсь – у меня хорошее тело. Ничего лишнего. Аккуратная выпуклая попа, стройные ноги. Узкая талия. Грудь-двочка. Своя. Гладкое лицо. И рот – таким хотят упиваться.

Снова сажусь у зеркала и щеточкой вытягиваю ресницы, имитируя их объем.

– Кто лучшая? – спрашиваю я, преблизившись к зеркалу так близко, что на нем образуется алкогольный конденсат. – Пошли, детка, в клуб.

Через два часа в «Шибари» подмигиваю бармену. Громкая музыка – стул подо мной вибрирует от басов. На мне – короткое облегающее платье-огрызок.

Я оглядываюсь. Сочные девчонки, усыпанные блестками, извиваются как змеи на постаментах, зазывая к празднику гедонистов. «Давай жить сегодня!» – кричат их крутящиеся тела. «Отдайся чувствам!» – трубят разогретые пилонеры в их объятиях. Лазерные лучи разрезают пространство клуба, деля его на части и выхватывая из темноты самых отвязных персонажей.

— Это вам от того парня, – кричит мне бармен сквозь шум, показывая на шот с коктейлем «B52».

Поворачиваю голову – какой-то довольный мальчик с другого конца бара, шевеля губами, сигналил: «Это тебе». Улыбаюсь ему.

– Пошли, – не дождавшись согласия, какой-то кавказец хватается за руку и тянет в сторону толпы танцующих.

– Э-э, я сама по себе, – я вырываю руку, даже не поднявшись со стула.

Кавказец пренебрежительно смотрит на меня, что-то кричит и уходит.

– Шевели лапками, – напутствую я его.

Живая плотная масса бурлит под лучами ночного храма, который открывает свои порталы в мир кайфа. Его прихожан питают лазерные звезды, неоновые тени и боги с пакетиком космической пыли.

– Еще. Оттуда же, – кричит бармен, поставив передо мной очередной шот.

– За тебя, сопля, – демонстративно поднимаю шот и, глядя на улыбающегося мальчика, заливаю в себя второй коктейль.

– Привет, – возле меня оказывается крепкий молодой человек. Рваная футболка демонстрирует рельефный торс и банки бицепсов. Он уверен в себе настолько, что готов позволить любить себя.

– Привет, – я кладу руку ему на шею.

– У меня есть для тебя немножко счастья, – с улыбкой говорит мне на ухо местный Хью Джекман.

– Выкладывай, – мне смешно. – Но сначала купи королеве еще.

Парень щелкает пальцами и показывает бармену на пустой шот.

– Ты одна?

– Уверяю, меня тебе хватит, – я стараюсь выговаривать каждое слово. Но ловлю себя на мысли, что уже пьяна, и моя эротика больше похожа на кривляние старой алкоголички. Повернувшись спиной к бару, кладу на столешницу локти, а голову слегка запрокидываю.

– Думаю, разберусь, – Росомаха ухмыляется. Он показывает бармену, что как будто бы ворожит над пустым бокалом, и бармен обновляет напиток.

– Колдун? – я принимаю «B52» из его рук.

– Это моя работа, – не сводит с меня пристальных черных глаз слуга сатаны.

С большим трудом концентрируюсь, удерживая на своем лице выражение «взгляд пантеры». «Боже, я ущербна...» – с этой мыслью я принимаю еще одну порцию алкоголя.

– Смотри, что у меня есть, – в его большой руке оказывается маленький прозрачный пакетик. Пакетик переливается синим, красным, зеленым цветом окружающего веселья, зовет присоединиться. – Пойдем со мной, – Хью аккуратно берет меня за руку.

Меня не нужно тянуть – я сама плыву за ним сквозь беснующуюся толпу вглубь таинственного храма, где чуть темнее, чуть тише. Он идет, то и дело оборачиваясь на меня и улыбаясь чему-то своему. А мне на все плевать. Мне приятно его внимание.

Дверь с нарисованным на дощечке мужчиной открывается, мы входим в туалет.

– Сделай кисть вот так, – говорит мой Хью Джекман. – Так, словно хочешь взять яблоко.

Я послушно повторяю. Он сыплет мне в ложбинку между указательным и большим пальцем белый порошок.

– А теперь резко вдыхай, – говорит он и показывает как.

Моя рука касается носа. Холодный воздух обжигает ноздри и летит в голову, рассекая мозг надвое.

– Да? – улыбается Хью. – Да... – он кивает, целуя меня. – Пойдем. Это еще не все.

Пока он разворачивается, я вижу, как девка, стоя на коленях, ласкает розовый продолговатый зефир. Такой знакомый, что я чувствую его температуру и его упругость в своей руке. Он бывал во мне везде.

Я помню, как Женя начинал с того, что прижимал. Не важно к чему, к стене, кровати, к столешнице. Хватал в свои тиски и сжимал. Хочешь, не хочешь – в плену. Срывал с меня поцелуй, затем одежду. Он дарил беленькие маечки и любил их на мне рвать. Так, чтобы грудь под ней тряслась от неожиданной грубости, а на плече оставался красный след от разорванной ляпочки. Он бил меня собой. Когда кровь, разгоняясь, мчалась в голову, было уже все равно. И тогда просыпалось желание ему ответить. Я резко хватала Женю за неопрятные волосы и оттягивала его от себя. Он скручивал меня за это, стискивая мои узкие кисти. Распалившись, я вырывалась и доставала его из себя. Водила им по себе, там, где горячо и всегда брито, дразня

и издеваясь над ним. Женя не отводил взгляда. Смотрел выжидающе и агрессивно. Это была игра. Игра «Кто кому принадлежит». Он был во мне так часто, что я просыпалась с распирающим ощущением его присутствия, а засыпала с чувством латекса во рту. Он стал центром моей вселенной. Вокруг него вертелась моя жизнь.

А сейчас Женя был в ней.

Я вижу, как она улыбается мне пустым неоновым взглядом. Блестки сверкают на ее щеках, переливаясь под мерцающими лампами сортира.

Легкие перестают наполняться воздухом, словно кто-то давит на них, не давая раскрыться.

Ноги сами несут меня наружу.

Клубное стадо трясется, словно на него воздействуют сигналы неведомого кода. Никому нет до меня дела. И я, мокрая от пота, бегу, зажимая рот. Бежать, бежать, бежать. Лестница. Толпа вправо, на выход. Дверь. Дверь. Кислота обжигает горло. Но я успеваю оказаться на улице, прежде чем рвотная масса с запахом Жени выплескивается на темный, отливающий серебром асфальт.

На сверкающую золотом ночную Москву льет дождь, старательно отмывая накопленную за день пыль и грязь, уносит из города все то, что делало его душным, невыносимым, несчастным. Дождь безжалостно топит тротуар Технического переулка и, стараясь растворить, заливает стоящую на бордюре маленькую черноволосую фигурку. То есть меня.

Кажется, что вода, струясь по моему телу, уносит то, что мне противно, туда, под асфальт, в канализационные коллекторы, где и место всем нечистотам.

Хотите меня видеть циничной и развратной? Ок. Но не я должна бежать. Не мне должно быть тошно. Поднимаю голову и струи, разбиваясь о лицо, дробятся на мириады блестящих бисеринок.

Уверенно распахиваю двери клуба. Кислый воздух обдувает лицо с потекшей косметикой.

Клуб басовито зовет меня.

...Раскалывается голова. Мутно в глазах. Надо завязывать мешать алкоголь и переходить на щадящий режим.

Сколько времени?

Чей-то локоть упирается в печень. Трусы на мне. И платье. Прижимаю ладонь к пульсирующему лбу – из него вот-вот должно вылупиться нечто. Память начинает возвращаться и собирать полную картину вчерашнего дня с Росомахой, Женей и принятыми раз и навсегда решениями в единое целое.

...В баре я познакомилась с девчонкой. Она смешная. Напилась и потеряла подруг. Несчастливая дура. Наверное, такая же одинокая, как и я. И она меня смешит. Когда мы едем в такси, лезет обниматься и засыпает. Водитель за 300 рублей поднимает ее ко мне в квартиру и странно смотрит. «Да, это подарочек для моей малышки. Сегодня будет трахен-трахен без стручков. Праздник улитки, понимаешь?» – говорю ему. Он улыбается моей откровенности. «Вам пора», – я закрываю перед ним дверь. Таксист оборачивается, и в его взгляде читается молодой Роберт де Ниро из фильма "Такси". Немного жутко. Смотрю в глазок. Стоит у лифта, обернувшись к моей двери. Прячусь, осторожно сползая вниз.

– Бестолочь, – говорю сама себе, – от двери до лифта четыре метра, как он оттуда разглядит меня через глазок?

Поднимаю с пола свое испуганное тело и ухмыляюсь хмельной логике. Глазок рассекает темноту прихожей лучом света из подъезда. Снова аккуратно подсматриваю. Черт, таксист уже рядом. Огромная лохматая башка прислонила ухо к двери и слушает через нее мое тарабанящее сердце. Он слышит мой страх. Башка поворачивается, и черный глаз под косым веком как

будто насаживается на глазок. Он пытается разглядеть двух молодых одиноких сук, желающих настоящего мужика. Он не моргает. Нас разделяет четыре с половиной сантиметра стекла и металла дверного глазка. Через дверь мы почти касаемся друг друга лицами. Я смотрю на его радужку и думаю, что за ней, кроме инстинкта, кроме голода и похоти, ничего нет. Ему нечего терять, все его с собой, хоть сейчас он совершит преступление и рванет домой. Через час его не будет в Москве, через три в Московской области, через двое суток в стране. И никто ему не помешает надругаться над обессилившими пьяными девушками из бара на Таганке.

Я боюсь моргнуть. Глаз напротив превратился в бездонный колодец. В своих фантазиях его хозяин срывал одежду с белоснежной кожи, нежные щеки прижигал пощечинами, слушал мольбы и крики – и это заводило его еще больше.

Стоять в таком напряжении тяжело. Беззвучно упираюсь ладонями в полотно двери – и чувствую стук сердца распаленного зверя, слышу его тяжелое дыхание. Не выдерживаю и падаю, успевая подумать одно – я помню, что закрутила дверной замок до упора.

И вот сейчас я лежу рядом с девчачьим телом на своей кровати. Приподнимаю одеяло – тело ничего так. Ставлю будильник – нужно успеть на соревнования! И засыпаю, успокоившись.

Просыпаюсь от грохота. Это не будильник. Иду на кухню.

– О, доброе утро! – говорит девчонка.

– Да, оно действительно доброе, – я поднимаю бровь.

– Хотела по-тихому свалить еще в шесть утра. Но ты на пороге лежала. Я посмотрела на твой гудок, выпускающий слюни, и мне стало совестно.

– Ты во скока встала, пьянь подзаборная?

Она смеется.

– Я – дура. Мне сегодня надо было на собеседование. Так что будильник сработал в шесть утра. Потом я увидела тебя – и не смогла позволить себе просто уйти.

– Как, удачно?

– Что? Что не позволила себе уйти?

– Нет, что дура, – улыбаюсь я ей. – Ведь и я дура.

Мы смеемся вместе.

У нее приятный голос, чуть писклявый, но ее это не портит. В ней нет вульгарности или напускной женственности. Все в ней гармонично. Она сама нежность и кокетство.

– Чего ты смеешься? У меня вообще привычка. Просыпаюсь ровно в восемь утра и все тут. Не надо ни будильников, ни собеседований, – говорю я и смотрю на стол. – Завтрак на две королевские персоны?

– Ой, да, – кивает она. – Я вообще готовить люблю. У меня в семье три брата – прожорливые как слоны.

– А мама?

– А мама, ну... умерла она, короче.

– Извини. Не хотела.

– Ничего. К тому же, это шутка, – она негромко хихикает, как будто чихает. Со временем я пойму, что такая громкость смеха – ее максимум.

– Ты точно – дура.

– Не, она просто кинула нас. В общем, я готовлю постоянно, вкусно и с любовью, – сообщает она с театральным пафосом, и ее полутораметровое тело мелко вздрагивает от чихающего смеха.

Ей повезло с фигурой – тело просто безупречно по своим пропорциям. Оно притягивает внимание и заставляет по-доброму завидовать. А талия нереально тонкая – кажется, я могу ее обхватить кистями рук, и пальцы мои соединятся.

И милое, очень милое лицо наивной школьницы.

– С кем ты живешь? – спрашиваю я.

– С девчонками вчетвером. Однушку в Царицине снимаем.

– Почему?

– Да дешево. 500 баксов.

– Ни хера себе! Вот 500 баксов, – широким взмахом руки я обвожу свои хоромы.

– Да ладно?! Тебе повезло. Красивым всегда везет, – ахают полтора метра доброты.

– Ты так сказала, как будто сама жабища.

– Ну, не такая, как ты назвала, но трезво себя оцениваю.

– Вопрос только в мейкапе. Только. Главное, губки контрастнее и глаза. Но все в меру.

Мы завтракаем, она говорит. И через каждую фразу восхищается тем, как я выгляжу даже после такой бурной ночи.

В конце концов я беру девчонку за руку и тащу в комнату. Включаю свет у трюмо.

– Как у голливудских звезд, – ахает она, вставая под свет ламп.

– Так мы и есть голливудские звезды. Дивы. Главное, это баланс пойманного настроения, – я беру карандаш и уверенно рисую плавную линию по краю ее века. Точно так же обозначаю и второй глаз. – Не сравнивай нас с голливудскими звездами по двум причинам. Первая: чем популярнее, тем в жизни они страшнее. Там ведь как. Снимают-то на камеры. В камерах объективы. А это линзы. А они изогнуто-выпуклые. То есть для съемок надо брать дам с непропорционально большим ртом, глазами и, если повезет, то и носом. Под правильным освещением, с правильного ракурса, мы видим чудо-красотку. По факту же – лупоглазый фюрер, как Джулия Робертс.

Девочка снова хихикает как чихает.

– А вторая причина?

– Вторая причина, – я оттягиваю нижнюю челюсть собеседницы вниз, рот открывается, я обвожу его красной, как спелая клубника, помадой. – Чтобы попасть в звезды, нужно иметь стальную вагину и-и-и... И съемный гудок. – С этими словами снова поворачиваю ее к зеркалу.

– Ты просто мастер визажа! – взвизгивает девчонка. – Давно работаешь?

– Нет, – отвечаю я, собирая косметику. – Просто иногда люблю себя разрисовать до неузнаваемости.

– Я знаю, куда тебе нужно пойти! – радостно подпрыгивает Полторашка.

– Только если ты останешься у меня. Твои девки – курвы. Бросили тебя в баре и даже не побеспокоились, куда ты пропала. Живете вчетвером в однушке на окраине. Оставайся. Раньше здесь жил..., – волна неприязни нахлынула на меня, я с трудом сглатываю и продолжаю. – В общем, я одна. Я бы завела кота, но с тобой куда приятнее. Если, ты не против, конечно.

Я выхожу в прихожую. Вижу, что на месте для обуви бывшего стоят девчачьи розовые кроссовочки моего настоящего. И нет сожаления.

И мне ведь даже неизвестно, как ее зовут. Вот я наивная и бестолковая. Притащила к себе домой непонятно кого. Оставила ночевать. А теперь оставляю у себя жить. Хотя нет – нормальная я.

– Слышь, бесподобная Диана! – смеясь, кричу подруге.

– Ась? – наигранно по-деревенски отвечает она и подходит ко мне.

– Держи, – я разжимаю пальцы над ее ладонью – и блестящий зубастый крокодил находит себе новую хозяйку.

Девчонка кидается мне на шею. Но тут же отскакивает.

– Только пообещай, что никогда не бросишь меня, – говорит она, и лицо ее меняется, став сначала строгим и торжественным, а затем растерянным, как у маленькой девочки. – Обещай.

Я киваю. Она снова виснет у меня на шее:

– Сейчас за шмотьем сгоняю. А вечером будет праздничный ужин.
– Черт, мне нужно было давно сменить ориентацию. Ты девочка-фейерверк, – подмигиваю ей я.

Состояние похмелья плохо одним – всем. И оно длится вечность. Маршрутка трясет меня как вчерашнюю «маргариту» в шейкере. Вот-вот – и выйдет коктейль.

Отборочные соревнования всегда проходили у меня на волне стресса и озлобленности. Но сейчас мне просто хочется оставить в урне у входа во дворец спорта «маргариту».

...– Ты где пропадаешь? – шипит подскочившая испанская борода. Отец крепко сжимает мое предплечье. – Хорошо хоть могу тебя зарегистрировать когда захочу. Но выйти за тебя на дорожку – нет... Так, слушай, слушай, – он принохивается, – что это?

– Запах моего самочувствия.

– Соберись, – командует отец.

– Папа, мне плохо, – мне вдруг становится совсем дурно.

– А кому хорошо? Не капризничай, соберись. Ты не даром носишь мою фамилию, – с этими словами он вскидывает голову и надувает грудь. – К тому же, на тебя уже поставили.

– Что поставили?

– Не будь дурой. Что ставят большие дяди? Деньги. Ставка на победу. Не подведи, – он толкает меня в сторону раздевалки.

Я оборачиваюсь – добрый старик мило улыбается представителю федерации фехтования. Обхаживая, сгибается, чтобы казаться меньше.

На меня ставят деньги, как в петушиных боях на птицу, чей удел – похлебка на богатом столе «больших дядь». Они глумятся, петушок, не над твоими цыплячьими лапками, а в предвкушении того, что могут с тобой сделать. Могут вывернуть тебя наизнанку, заставить биться с кем хотят и как хотят. «Выиграй!» – ведь ты стопроцентный вариант. На тебя поставили деньги. Деньги. Деньги! Я равна деньгам. У меня есть своя стоимость. У меня есть своя бирка. Я – товар. «Не продается!».

«Приглашается следующая пара спортсменов. Зинаида Сафронова и Анна Купер».

– Отдай ей пару очков, – дает наставление пахнувший нафталином Борис Анатольевич.

«Пару очков...» – сетка на лице скрывает мою дьявольскую ухмылку.

Сигнал. Резко иду на соперницу. Она отступает. Выпад. Выпад. Укол. Гну шпагу. Смотрю на отца. Нервничает. Еле заметно разводит руками: «И?» – «Сейчас, папа, сейчас».

Сигнал. Бегу вперед. Батман. Выпад, Укол. Еще одно очко мое. Отец заметно нервничает и смотрит на своих «больших дядек».

Сигнал. Бегу вперед. Она отступает. Приходится ее догонять. Резко останавливаюсь. Она растеряно прыгает назад-вперед, ее выпад. Третья защита – мне даже не приходится напрягаться. Даже в этом состоянии я могу ее одолеть. Батман. Шпага соперницы больно бьет по руке.

«Ах ты, средство для отпугивания пенисов!» – ругаюсь я про себя.

Батман. Выпад. Она взяла очко. Отец вытирает пот со лба.

«Ну, сейчас будет тебе грязная игра».

Выпад, назад – «заманиваю». Выпад. Батман. Назад. Назад. «Пошла. Давай-давай.» Соперница потянулась за мной. «Выпад – третья защита. Выпад – четвертая защита. Контрдействие. И-и-и – на!» – моя шпага шлепает по маске соперницы. Унизительно. Знаю. Маска скрывает мое злорадство.

Кисть начала ныть.

Сигнал. Стою на месте. Она бежит. В прыжке выпад. Флэш-атака. Мимо – черт. Контр-действие. Первая защита. «Что, метишь в голову?» Защита – флэш-атака! – моя шпага снова шлепает по ее шлему. Знаю, моя соперница бесится.

Борис Анатольевич стоит, скрестив руки на груди – переживает. Непредсказуемый и неуправляемый поединок.

Сигнал. Дразню соперницу. Она делает выпады. Первая защита. Выпад. Ее шпага снова бьет меня по кисти. «Дрянь!» Выпад, атака, атака, удар по шлему. Корпус. Очко мое.

Кисть болит начинает неметь. Встряхнула ею. Отец видит.

«Что, Борис Анатольевич, папа, неприятный поединок?»

Седые брови зло собрались на переносице – он готовит речь для меня. Грозную, устрашающую, что-нибудь про темное будущее и обоссанные двенадцатью кошками обои. Нужно стараться и работать на износ. Ты должна. Ты обязана.

«Я не должна и не обязана».

Сигнал. Стою на месте. Соперница неуверенно подсакивает. Прыгает назад-вперед. Я опускаю руки, позволяя ей забрать самую легкую победу в ее карьере. Укол. Сигнал. Она вскидывает руки от радости.

Смотрю на отца. Его глаза округлились. Рот открыт. Укол. Она забирает еще одно очко.

Сигнал – укол. Сигнал – укол. Ноющая боль пронзает до кости. Слезинки прозрачными зернами упали с моих ресниц. Смотрю на отца, стою, не двигаясь.

Он разворачивается к судьям.

«Анна Купер снимается с соревнований. Техническую победу одержала...»

– Я с тобой позже поговорю, – отец стоит уже возле меня. Лицо у него красное.

– Я уйду из спорта, – впикиваю ему в руки шпагу, шлем. Чувствую, что вместе с ними оставляю в руках отца непосильный груз – такой, что ноги как будто оторвались от пола, и спина стала прямее.

Меня дома ждет девочка-фейерверк.

Новый замок еще не разработался. Ключ туго входит. Сейчас расскажу ей, что учудила. Она-то меня поймет.

– Эй, Полторашка! – вваливаюсь в квартиру.

Полторашка... Ехала домой и думала, что прозвище «Полторашка» очень четко описывает маленький рост моей подруги и ее способность в один присест выпивать полтора литра пива.

Мне не терпелось ее обрадовать своей филологической находкой. Но дома оказалось темно. Никого. И ванная пуста.

Полторашка должна была уже два раза смотаться за вещами и вернуться.

Оседаю по стене, теребя блестящий ключ. У меня ведь и телефона ее нет. Может, ее подружки уговорили, и она передумала? Кто я для нее? Так, случайное пьяное знакомство в баре.

Не бывает долго и хорошо. Бывает долго и херово – это вероятнее всего.

В замочную скважину кто-то пытается вставить ключ. Вставляет – достает. Вставляет с усилием, со скрежетом вынимает.

– Да, кто там?! – кричу. – Открыто.

В дверь вваливается Полторашка.

– Ну и что это за ерунда? Замки, Аньк, для того, чтобы ими запирались, – надо мной склоняется хохочущая детская мордашка. – Эй, ты чего без настроения?

Я встаю и крепко прижимаю к себе гнома в розовой ветровке.

– Кажется, меня сегодня трахнула реальность.

– Шеллак мне на ноготочки! Ты хоть предохранялась? – она чихает, не останавливаясь. Ей нравятся ее же пошленькие шуточки, все розовое и я.

– Ты же поняла, что я не по тыковкам? – сообщает она, не разжимая объятий. И опять чихает, смеясь над своим контекстом.

Я плачу и киваю.

– Ух, ты! Что это у тебя? Татуля? – отстранившись, смотрит на меня Полторашка.

Я опять киваю:

– Решила сделать себе памятный подарок.

– Мне нравится, – она внимательно присматривается к раздраженной иглой коже на скуле, где тонким шрифтом красуется «baby girl».

– Правда? – уточняю я.

– Конечно! Ты моя девочка... – Полторашка крепко обнимает меня. – Еще что-нибудь?

Я качаю головой, всхлипнув от обиды, свободы и счастья.

– Тогда я должна тебе кое-в-чем признаться, – Полторашка виновато смотрит на меня.

– Историю про маму я уже слышала, – улыбаюсь я, но понимаю, здесь явно не до смеха.

ОН 1

Надо сменить рингтон с этого писклявого на «Раммштайн» или на «Полет шмеля» какой-нибудь...

Сложно угадать утреннее настроение. Хотя, что тут угадывать. Вид на Нижний Новгород из окна облезлой хрущевки Сормовского района ужасен под любую музыку в любое время. Хватаю мобильник: «ААА!» – безумная боль простреливает кисть.

– Ты чего шумишь? – в проеме комнаты появляется среднего роста сухопарый мужчина.

– А ты чего так рано встал, пап?

– Последнее время совсем не спится, – признается отец, присаживаясь рядом на диван.

– Препараты принимал?

– Принимал-принимал. Что у тебя с рукой?

– Как будто защемило.

– Перевяжи эластичным бинтом. И не нагружай, – пошлый контекст считывается по его ухмылке. – В аптечке есть. Завтракать будешь?

– Ес, – я улыбаюсь отцу, а самому хочется выть. И не только из-за руки.

– Пойду лягу. Чего-то тяжело. Завтрак на столе, – папа кладет ладонь на мою голову, на миг прижимается к ней лбом, словно передавая мне немного своей заботы и тепла.

Отец был резан и не раз. Так сложилась его судьба. Началось, думаю, с перерезанной пуповины, потом резал вены от неразделенной любви, после налетел на нож в разборке с ворами, а затем его резали хирурги – опухоль. И теперь вот он снова оказался под ножом – новая онкология оказалось злее. Так вот всю жизнь на острие. Оттого, думается, отец все особенно тонко чувствовал. Еще полгода назад этот старик с высушенным лицом выглядел иначе, подмигивал девятнадцатилетним девчонкам и давал фору всякому на любовном поприще. Но шесть месяцев изнуряющих операций, терапий и восстановления состарили его лет на тридцать. Некогда густая шевелюра поредела от химии и облучения. Психанув, недавно он состриг эти остатки до белого черепа. Кожа пожелтела.

Грохот сверху, как по часам – соседи никогда не вели спокойной жизни. И утро всегда начиналось с их истерик, скандалов, боя посуды, стука падающих стульев.

Верзилу-соседа вечно что-то не устраивает. Он живет с заранее запасенным раздражением на все.

Мы сначала ждали уголовщины – что он зарежет свою сожительницу или приберет. Но баба – его жена в смысле – обладала на удивление терпеливым характером и все невзгоды переносила стойко.

Если вслушаться в их дебаты, а это именно общение на равных, то зачастую именно она бывала зачинщиком потасовок, оскорбляя вспыльчивого и неуравновешенного деспота, обзывая его аутистом, трухлявым, королевой убанов или (это шедевр) Новодворской. Новодворской он бывал в тех случаях, когда нужно описать обломанный им кайф. А удовольствие у них по сути было одно – напиться.

Процесс получения удовольствия прост. Включается на репите один и тот же сценарий: супруги пьют, закусывают, звенят посудой, орут песни. В какой-то момент кто-то из них чувствует себя чем-либо обделенным – и дает в бубен сотрапезнику. Начинается ор и скандалы часов до двух ночи. Затем наступает тишина – до будильника.

Не смотря на алкогольную зависимость, эти люди обязательны. За полгода, что мы живем здесь, никто из них ни разу не проспал на работу. Обычно мы пересекаемся с ними в подъезде. Такие рандеву всегда отвратительны.

...Никогда так рука не болела. Тупая ноющая боль. Как будто засунул ее в мясорубку, а затем передумал и достал – но уже обрубок.

Год назад отца начал мучить жуткий кашель. Он обычно выкуривал по две пачки «Явы» – как тут не закашляешь?

Пневмония – заключили специалисты из клиники. И пять месяцев мы лечили от нее отца. Состояние только ухудшалось. Если бы не его упертость, то мы бы давно поехали в столицу и обнаружили причину его недомоганий. Надо сказать, что папа очень трудолюбивый человек. И оставлять бизнес на партнера из-за какого-то кашля ему не хотелось. Но пришлось. Через несколько месяцев один умный врач сказал: «У вас рак. Точка». И закрыл мед карту.

Мы продали роскошную квартиру в самом престижном районе Нижнего Новгорода, четыре машины, участок в двадцать соток с домом на триста восемьдесят квадратных метров – и это было не наше решение. Едва отец заболел, его вторая жена быстро сделала вывод: «Хватит с меня разочарований». Подала на развод, параллельно иск в суд на раздел имущества. И за очень короткие сроки отхапала половину.

Под общий шумок партнер, понимая, что нам некогда будет гоняться за ним, перетянул всех клиентов в свою новую фирму.

Мой «Ягуар» ушел за бесценюк месяц назад. И теперь каждый день я держусь за облезлые поручни рейсового автобуса, где пахнет вовсе не шиком. И мой мнимый престиж остался во вчерашнем дне.

Я жалею лишь об одном: нужно было все это продать раньше.

«В Сормовском районе загорелся автобус с пассажирами. В 07:35...» – фонит маленький черно-белый телевизор на кухне.

Люблю эти истории про общественный транспорт. Особенно, когда через пятнадцать минут самому трястись в одном из таких автобусов.

На столе передо мной стоит тарелка с фирменной яичницей от папы. Это три нераспльвившихся желтка, сыр и солидная горсть свежей зелени. Батя у меня все же молодец – держится стойко. Не привык демонстрировать свои проблемы и уж тем более вешать их на кого-либо.

Часто по ночам я слышу, как он воет от боли. В больницах обезболивающие препараты для онкобольных выдают, но нужно стоять в километровой очереди среди таких же отчаявшихся, чтобы услышать нудный голос врача, посылающего проклятия на тех, кто и так находится в аду при жизни. Поняв, что по сути все эти препараты – наркота, я нашел своего дилера. Он подкидывает траву. Недешево. Вся моя зарплата уходит на нее, какую-то еду и проезд. Квартплату игнорирую – пухлая папка счетов пылится на комод в прихожей.

Звонок. Неизвестный номер.

– Да, слушаю.

– Алексей Берг? – ровный доброжелательный голос прозвучал в трубке.

– Я.

– Очень хорошо. Дмитрий Владимирович. Начальник городского военкомата.

– Очень приятно.

– Алексей, что же вы учебу оставили, а к нам не заходите?

– Так не зовете, – я подхватываю его шуточный тон.

– Мы вас очень ждем.

– Ну, прямо уж очень?

– Очень-очень, Алексей, – посмеивается Дмитрий Владимирович.

– Может, даже и за столом?

– За столом.

– Может, стол накрыт?

– Может и так.

- Водочки да закусочки?
 - А то, – веселится военком.
 - Тогда может не за вашим столом, а где-нибудь в другом месте?
 - Алексей, не положено, – с нескрываемой досадой сообщает начальник.
 - Тогда я пас. Дел сейчас столько, понимаете. Работаю в торговом центре два через два по двенадцать часов. А потом ночным сторожем. Когда же я к вам успею?
 - Да, незадача. Надо как-то решать.
 - Надо.
 - Может, отгул возьмете?
 - Зарплата и так маленькая.
 - Зачем вам работать? Родители же есть.
 - Дмитрий Владимирович, нужда заставляет. Давайте так. На следующей неделе постараюсь вас навестить.
 - Будем ждать. До свидания.
 - Доброго здравия!
- Что же делать? Старика мне оставить не на кого.

Дожевываю. Захожу в комнату к отцу – спит. Или просто закрыл глаза. Сейчас не поймешь. Достаю из шкафа ветровку. Сыплются семечки – значит, ее надевал отец. Он всегда носит в кармане семечки и кусок батона – подкармливает собак и голубей, блин. Нам бы кто помог.

Опаздываю, а нельзя – автобус ходит по расписанию. Надо запереть квартиру. Ключи цепляются за карман. Из него опять выпадают семечки. Не могу попасть в замочную скважину – лампочку над лестничной площадкой кто-то выкрутил.

– И че это значит? – у меня за спиной раздается хриплый голос. И так неожиданно, что я роняю ключи.

Поворачиваюсь. Передо мной покачивается с пятки на носок двухметровый сосед из квартиры выше.

- Ничего, – отвечаю ему.
- Мусоришь зачем?
- Это случайность, – говорю я, стараясь не смотреть в бешенные глаза верзилы.
- У нас здесь так не принято. И бате своему скажи, что по ночам надо спать, а не туберкулез свой разносить.
- У него не туберкулез.
- Мне насрать! – его рожу вплотную приблизилась ко мне. Смесь перегара и вони донеслась изо рта.

Морщась, отвожу лицо в сторону.

- Уроды. Приехали такие важные, – удаляясь, важно заявляет амбал.

Подходя к остановке, я вижу свой отъезжающий автобус. Жду следующий.

– Кристина, привет! – здороваюсь на входе с девчонкой из администрации торгового центра.

- Привет! Ты чего опаздываешь? – кокетливо спрашивает она.

У нас с ней игра в страсть. У нее парень, и у меня есть девушка. Так что это так, баловство, не по-настоящему. Забава. За ее вишневого цвета волосы иногда называю Кристину Вишенкой. Ей нравится. Еще у нее очень пухлые губы. Они неестественно огромны. С ней невозможно разговаривать и не смотреть на них. Как два лаваша на маленькой голове вишневого цвета.

– А как иначе привлечь твое внимание? – говорю я и подмигиваю. Только пускаю искры – пламени не будет.

– Ты опоздал, – на лице руководителя магазина Анастасии явное недовольство. – Иди на склад, приемка товара, – маленький бантик ее бледных губ плотно сжимается, боясь выпустить больше яда, чем положено на столь серый объект, как я. Анастасия продолжает смотреть в отчеты, поправляя на голове скудный пушок, называемый «прическа».

– Привет. Че опаздываешь? – говорит из темноты склада Кирилл.

– Мне перед каждым держать ответ? – огрызаюсь я.

И это только начало дня.

К трем часам от артикулов и названий позиций рябит в глазах. Вместо Кирилла мне уже видится огромная шевелящаяся наклейка с цифрами и штрих-кодом.

– Вот почему не сделают общую базу с таким пистолетом? – он прикладывает мнимый предмет к накладной. – Пик-пик – позиция принята. Пик-пик на кассе – позиция списана. И можно тогда не сидеть весь день в душной коморке под смелым названием «склад».

В кармане вибрирует мобильник.

– Э-э. Анастасия Кобровна запалит, – шепчет Кирилл.

– А, не заметит, – машу рукой.

Мне звонит Лена.

– Привет, снежок, – говорю я в трубку. – Как твои дела?.. Да все нормально... Потому что работа... Да, теперь работа каждый день... Подожди...

Но объяснить я ничего не успеваю – Лена бросает трубку.

Перезваниваю.

– У меня действительно сейчас много работы, – прикрывая рукой телефон, говорю тише. – Ты же знаешь, в каком я сейчас положении. У меня совсем не остается сил после двенадцати часов работы в торговом центре. А еще отцу нужна помощь... Два месяца назад и сейчас – это не один и тот же человек.

Лена давит на меня. Такое ощущение, что ей хочется услышать от меня то, за что она сможет послать и не думать о себе плохо. Она мне нужна.

– Послушай, – я пытаюсь придумать выход, – давай так: я сегодня к тебе заеду после работы, потом сразу домой... Не останусь... Потому что отец болен. Алло. Алло!

– Что у вас здесь происходит?! – в дверях появляется недовольное лицо начальницы.

– Да, я Лехе говорю: давно. Давно уже посчитали эту позицию... – спасает положение добрый Кирилл. – А он спорит.

– В зале покупатели. Давайте быстрее. Чего расселись? – Анастасии не важен ответ, ей важно созданное этим вопросом напряжение.

Мы молчим.

Анастасия Кобровна удаляется.

– Совсем тухло? – участливо интересуется Кирилл.

– Да. Ее как будто подменили. Ничего не слышит. Только о ней должны быть все песни.

– Понятно, – вздыхает Кирилл. – А че к тебе не переезжает?

– Шутишь? Она же дочка мэра. Будет она в нашей квартирке на первом этаже жить, где вид из окна не на верхушки сосен закрытого жилого комплекса, и где потолки ниже двух с половиной метров. Где санузел совмещенный. И откуда ехать до учебы два часа.

– Ну, это же любовь, – добродушно заявляет мой напарник, умеющий легко решать любые глобальные проблемы.

– Кир, давай лучше про твои гениталии поговорим, – предлагаю я, и мы замолкаем до конца рабочего дня.

Все мы фаталисты. Так и ждем, чтобы от кого-нибудь избавиться раз и навсегда. У каждого приготовлен список тех, кого и при каких обстоятельствах мы вычеркнем из состава при-

ближенных. Не дала, изменил, не вернул, забыл, опоздал, не знал, укусил. Живем и ждем, когда же удастся воспользоваться фатальным списком. Смотрим, соблазняемся, примеряем на родственников, друзей, знакомых, любовников. Думается, я в этом списке у Ленки в первой очереди.

В торговом зале снуют люди. Они приходят, трогают вещи, примеряют, подойдет ли это к их лицу, налезет ли на обрюзгшее тело. Покупают или хотят в будущем купить – и уходят. Они как муравьи в пирамиде потребления, переползают по бесчисленным туннелям и пытаются найти золотое руно, которое им мерещится в новой куртке, юбке, штанах. Примерили – вроде, блестит. Через неделю свет пропадает – и они снова мчатся в муравейник.

С недавних пор я попал в «мир ничего». Где один и тот же продукт, едва подхлывший для употребления, продавали в разных упаковках с большой разницей в цене. Одни ели его, покупая подешевле, – у них нет выбора, другие жрали, взяв подороже, тем самым демонстрируя свое преимущество перед первыми. А на самом деле это было одно и то же говно. Настоящее обесценилось до пустоты и перестало носить вообще какой-то смысл. Главным стало обладание чем-либо здесь, сейчас и публично.

– После выходных без опозданий. Штраф, – шипит Кобра, закрывая двери магазина.

Выхожу на улицу. Закуриваю.

– К тебе или ко мне? – звонкий голос вишневой Кристины всегда поднимает настроение.

У Кристины тоже закончился рабочий день.

– Лучше ко мне. У меня и плети, и свечи, и длинные жесткие речи, – говорю я.

Смеемся.

– Ну так что, это – предложение? – Вишенка берет меня под руку, прижимаясь всем телом.

– Сучка не захочет – кобель не вскочит. Я всегда за – только дай знак. К примеру, помаши красными трусиками или позвони, – подмигиваю я Кристине.

– Так и сделаю, – она смотрит на часы. – Все, мне пора, – целует в щеку.

От неожиданности я пропускаю дым через ноздри. Создалось впечатление, что я горю изнутри. Секса не было уже недели две или три, так что я задымился от желания по-настоящему. Ленка только и делает, что орет и бросает трубки.

– Познакомь, – ко мне подходит Кирилл.

– Чтобы мне не с кем было флиртовать на работе? Ну нет. Это моя ягодка.

– Домой?

– Ага, домой, если бы, – киваю я в сторону торгового центра. – Только ночную смену отработаю.

– Совсем плохо, да? – в этом простом неуклюжем парне есть искренность и настоящая человеческая теплота. Откуда в нем столько иммунитета к безумию, которое вокруг?

– Прорвемся, Кирилл, прорвемся, – уверяю я. Давлю бычок о край урны. Крепко жму пятерню коллеги и захожу внутрь торгового центра теперь уже как сторож.

Начальник службы охраны снисходительно дал возможность подрабатывать в ночные смены, совмещая это с основной работой. Прибавка не особо какая, но все же деньги.

У меня есть коллега-охранник Антонина. Станным образом мы с ней всегда в паре. Хотя, ничего странного. Все остальные отказываются от смен с ней. А мне Антонина по-человечески нравится.

В свое время Антонина Анатольевна на общем собрании была названа «вечно пьяным сторожем Антоном» за квадратность фигуры и походку вразвалочку. С тех пор к ней это имя и приклеилось. Постепенно Антонина настолько сжилась с этим именем, что стала представ-

ляться Антоном, и в ее характере проявилось что-то мужское. А волевым человеком она всегда была. Я застал Антонину уже в состоянии Антона.

Каждая наша смена была полна юмора, колкостей и опасностей, что веяли со стороны мужикоподобного, но все же женского организма.

Работа была несложной. Раз в час нами поочередно совершался обход здания. Потом мы сидели перед монитором, высматривая нарушителей. Как правило, попивая чай с коньячком, которого у Антона всегда было в избытке.

Здоровались мы кивком, экономя слова на длинную ночную смену.

– Слушай историю про пироманшу-девочку, – обычно так она начинала рассказ, делая огромные глотки и гоняя кадык вверх-вниз. Вот и сейчас. Смакуя горячий чай, она произносит на выдохе: «Хорошо!» – и продолжает начатое. – Она знала, когда нужно подняться на свою крышу, чтобы слушать тишину и наблюдать над поселком мировую гармонию, – Антон обладал своеобразным стилем повествования, чем каждый раз удивляла. – Смотрела девочка не абы куда, а туда, где из слабенького дымка вот-вот родится огонь. Он быстро набирал объемы, и чем сильнее он разгорался, тем больше становилось суеты вокруг. Бегали люди, орали, истерили, страдали. Приезжали пожарные, полиция, скорая. «Их нужно поджарить, чтобы они захотели жить!» – говорила пироманша. В этих домах проживали алкоголики. Она поджигала их последовательно. А они переходили из одного сгоревшего дома в другой. С ее крыши было видно всех. Кто-то из алкоголиков после пожара завязывал с алкоголической жизнью. Для них сгорал не только их дом с вещами, в нем сгорало и прошлое, к которому не вернуться.

– Скажи, у тебя есть партнер? – не отрываясь от монитора, спрашиваю я.

– А зачем он мне? – удивляется Антон.

– Чтобы любить.

– Любовь – это обязательства, – философствует Антон. – Время сейчас такое – себя бы вытянуть, а с остальным разберемся потом. У всех так – все будет завтра. Некуда торопиться. И выбора аж обосраться. Откроют Тиндер, получают тысячу лайков и три фото гениталий, пошлют пару ушлепков нахер и заблокируют их. И все, их жизнь полна событий, драм, кайфа. Такая ежедневная имитация вселяет ощущение стабильности. А это пахивает размеренностью. А где размеренность, там все еще впереди, а главное, выбора же до черта. Только поклонников твоего фото сегодня сто, а завтра три штуки. Потому что старость приходит внезапно. Тогда хитрят – фото корректируют, через пять фильтров прогоняют. Только обманывают себя же. И боятся с такими отретушированными фото в реалии показываться. Рожа-то давно расплылась. Щеки на плечах, жопа – плоский блин. Боятся услышать правду про сегодняшних себя. Не хотят из розовой коробочки со стразами вылезать. А эмоций охота, вот эти старые хрычи и унижают молодых ребятшек на сайтах знакомств. А те думают, что так и нужно общаться. Унижение – норма, и тряпкой тоже можно быть. «И вы меня вообще не понимаете!».

И слезы лить. И за счет баб жить. И женщину свою изводить. И любить не ее, не себя через нее, а просто призрачные тренды. И дрочить на новый айфон. Вот так и ходит унижение по кругу. И все потеряны. А искренней любви очень хочется. Только не у кого ее получить. Ведь заглатывают на первом свидании все. Нечем перекрыть. Нечем покорить. И начинают дурить, под колеса кидаться. А так, я вообще-то за анал. Распирает, знаешь ли. Люблю наперекор природе. Бунтарка я по натуре.

– Так и запишем в отчете за смену: происшествий не зафиксировано. Антон за открытые отношения с черного входа.

Мне смешно. Я откидываюсь в скрипучем расшатанном кресле.

Антон что-то ищет в телефоне.

– Если ищешь свои лучшие фото в стиле ню, то давай без меня.

– Заносчивый сопляк, – смеется Антон. – Нравится мне один автор. Такой, откровенный. Шнейдер. Вот, отрывок. Слушай: «Справедливо утверждать, что мы, вероятно, никогда не

узнаем, как это после тяжелого трудового мексиканского дня, после изнуряющей жары и пары укусов черной мамбы прийти домой к кончите, обнять ее за широкие бедра, когда она поднесет тебе буррито и холодненькую текилу на серебряном подносе, доставшемся ей еще от прабабки. На подносе, в котором можно разглядеть отражения роста сепаратистских настроений в новой Испании и самого Мигеля Идальго-де-Кастилью, отжарившего всех индеек в поселении.

Поднос сверкнет красными лучами заходящего солнца и ляжет на маленький уличный столик под кипарисом. Ты опрокинешь стопочку мягкой холодной текилы и почувствуешь ее скольжение от языка до желудка. Где, упав, она взорвется ядовитым теплом, поднимаясь обратно в голову. Глаза нальются усталостью, тело спокойствием. И окраина Мехико станет центром мира. Ты улетишь в прошлое, забываясь во сне, а кипарис будет шелестеть под вечерним ветром, отгоняя пустоту...»

Когда Антон замолкает, я одобрительно киваю.

– Мне нравятся хорошие авторы. Молодые авторы. Мне, в принципе, молодые и активные нравятся. Как ты, – заявляет Антон и смотрит на меня.

– Это был самый длинный подкат, который я знаю. Еще было бы круче, если бы ты это сказала, потом ушла на войну, пришла лет через шесть и сказала все то же самое, но с более глубоким чувством, – говорю я.

Мы ржем. Точнее, ржет она. А я так, ухмыляюсь. Невозможно понять, где она серьезная, а где просто несет смешной бред. И сидишь в ожидании того, чтобы взорваться. Она – хороший человек.

– Хочу в стриптиз-бар! – заявляет после обхода Антон. – Есть такой, «Красная Шапочка». В столице. Накоплю еще сотку и рвану на неделю. Буду платить шлюховатым мальчикам, чтобы теребонькали мамочку и делали мне непристойный массаж. А потом устраюсь в этот клуб и буду их помогать бесплатно.

– Ух, как гадко, – я смеюсь.

Коллега сидит абсолютно серьезная, вытянув ноги, которые у нее затекли.

А я хочу на дикий пляж. Хочу к толстым и сморщенным нудистам с обугленными лицами и обветренными губами. Хочу к съедающему молодость солнцу и к растворяющим своей монотонностью мозг волнам. Просто хочу к безмятежности. Но этого я никому не скажу.

И тут мне приходит сообщение.

«И че ты молчишь весь день?»

Я отвечаю на него: «Привет. Я сначала работал продавцом, теперь ночью охранником...»

И у нас завязывается переписка:

«Че ты гонишь?! А если я сейчас приеду?»

«То увидишь меня через стеклянную дверь»

«Выезжаю»

«Лен»

«Че?»

«Я люблю тебя»

«Хорошо»

«А ты ко мне как относишься?»

«Короче, я спать»

«Приезжай завтра, в смысле, сегодня вечером»

«Какой сегодня вечером? Уже ночь! Ку-ку! Ты пьян?»

«Я на работе. Время уже два ночи. Так что сегодня»

«Какой ты занудный»

«Так приедешь?»

Она не ответила. Уснула или проигнорировала.

Пишу отцу: «Пап, как ты»

Он отвечает: «Все хорошо, сынок»

«У тебя все есть?»

«Хватает. Не переживай. С утра придешь – на плите завтрак»

«Пап, хотел тебя спросить»

«Спрашивай, сына»

«Ты маму любил?»

Прошло минут десять, прежде, чем отец позвонил:

– Очень любил, – раздался в трубке его хриплый голос. – В компанию пришла новая девочка. Нам тогда было лет по семнадцать. Ее все добивались. Перья распустят и ходят возле нее кругами. Пригласят туда, позовут сюда. Она всем говорила: нет. А я подошел к ней и сказал: «Говорят, нельзя трогать произведения искусства». И коснулся ее руки. С тех пор мы не отлеплялись друг от друга никогда. Из постели не вылезали сутками. Иногда вставал с кровати, а ноги не держали, – отец ухмыльнулся причудливости минувших дней. – Когда на работу уходил, она вставала на подоконник и махала мне. Смешная хрупкая девочка с огромным пузом. Она с тобой уже ходила. Так и отдавали друг другу все без остатка. До последних дней.

– Пап, мы тебя вытянем. Рано тебе еще к ней.

– Никуда я не собираюсь. Давай, не лезь под пули, – кашель прерывает смех моего старика. Отец бросает трубку.

Иду домой. Утро. Навстречу семят люди с отеками на лицах. На некоторых можно разглядеть привычку спать на животе и узор дивана. Но чаще считывается злоба.

В подъезде как всегда темно. Ключ застрял в кармане – ищу. Лестница сотрясается от топота спускающегося соседа.

– Не сдох еще? – пьяная рожа смотрит сквозь меня.

– Иди уже, – собутыльник толкает его в спину.

Алкаши выкатились на улицу. У меня нет сил ни на эмоции, ни на достойную реакцию. Что-то безысходно-нехорошее сверлит в груди.

Скрипнув, открывается соседняя дверь.

– Не обращай на него внимания, – звучит голос пожилой женщины. – Он считает, что пока не обосрет человека, не имеет права с ним общаться. Потому что сам обосран. Скажи, как папа? Держится?

Я киваю.

Вхожу в квартиру. Дома тихо. На плите завтрак. Отец спит. Или просто замер до тех пор, пока боль снова не обнаружит его.

...Лежу на кровати и не могу уснуть. Возбуждение пульсирует по всему телу. Лена совсем съехала с катушек и не знает, к чему придаться. Или просто хочет внимания, которого я не оказывал столько времени. Когда она впервые пришла ко мне, еще на ту квартиру в элитном Приокском районе, где обои не отклеивались, а плитуса не рассыпались трухой в руках, то мне приходилось сдерживать внутреннего зверька, готового наброситься на кроткую овечку. Это был показательный визит. Без интима.

Уходя тогда, Лена села на пуфик, надевая кроссовки на узенькие ступни. Из-под ее короткой юбочки сверкнули белые, как нетронутый снег, трусики. Они плотно обтягивали чуть припухший лобок, и мне показалось, что вся нежность мира заключена именно там.

В ту ночь я только и мог, что представлять белый холст, на котором я рисую безупречность. Уснуть было невозможно. Под утро, в полубреду, то проваливаясь в забытие, то просыпаясь, я представлял кисти ее рук с тонкими жилистыми пальцами, которые могли нежно трогать и жестко брать. Если однажды спросят, был ли я болен психически, отвечу – да, вот тогда и был. Представить себя без нее я не мог. Став рабом своих мыслей, впервые ощутил женскую

власть над собой. Сказала бы: прыгай – прыгнул бы не раздумывая. Эта патология разрушала и созидала, унижала и возвышала, гробила и восхищала. Но за два года многое стало тусклым. И виной тому оказался истеричный и, как оказалось, гадкий характер Лены.

Ее внимание ко мне на исходе. Но сейчас его хочется вдвойне. Я сжал в кулаке ноющие яйца.

Думаю, счастье – это неопределившаяся девка. Счастье ведь ОНО. Вот и попадает это близорукое недоразумение где-то между: или в липкие руки ботаников, что так усердно готовились к встрече с ним, или в косяк, который упорно ждал его. Нужно поступить проще: надо найти пристанище счастья, где оно спит, ест и стирает грязные трусики после смены. Приду туда и высокомерно так скажу, не моргая глядя прямо в глаза: ты мне теперь не нужно! Было время, нуждался, искал, мучился. А сейчас твое место на полке трофеев. Вот так, счастье...

... – Бе-ерг, откуда-то издалека слышится такой знакомый голос. – Бе-ерг, наглый хряк! Вставай, – в трясушем меня объекте не сразу, но все-таки опознаю Лену. – Просыпайся. Кто вообще спит днем?

Лена садится за стол возле дивана, закидывая ногу за ногу, и включает настольную лампу. От Лены пахнет чем-то цитрусовым. Она любит все энергичное, живое, будоражащее.

– И как это понимать? – она открывает томик Маркеса.

– Что именно? – продирая глаза, спрашиваю я.

– Где «привет, любимая, так соскучился»?

– Привет, любимая, – бесцветным голосом я повторяю ее слова.

– Понятно, – кивает она – и быстро перелистывает страницы «Воспоминания моих несчастных шлюшек», выискивая там, по всей видимости, что-то свое.

– Смена закончилась в десять утра...

– Ты реально устроился на еще одну работу? – с удивлением спрашивает Лена. – Не проще было что-нибудь продать?

– Лен, продавать нечего. Отцу нужны лекарства. Вот я и работаю. И иначе не могу.

– Ну, да, ну, да, – она машет рукой и снова берется за книгу. – Слышала эту песню: «Лен, потерпи. Лен, нужно время. Я не могу иначе». А я могу? Мне че, паранджу одеть?

– Надеть, – тихо поправляю я.

– Что? – большие голубые глаза в полумраке комнаты уставились куда-то мимо меня. Зло, раздраженно. Когда этот взгляд направлен не на меня, то выглядит это не так устрашающе, словно обращаются не ко мне вовсе, а значит, порция гнева достается другому.

– Говорю, что не стоит так бурно реагировать.

– На кой мне в ваши трущобы мотаться? Мне внимание нужно, Берг. Мне что, в монахини подстричься? – Лена ставит ноги шире, раскачиваясь в кресле вправо-влево. Лампа освещает гневное лицо и беленький треугольник под короткой юбкой – то, что мне сейчас нужно больше денег, больше воздуха и еды.

– Постричься, – автоматически поправляю, – Лен.

– Да заколебал ты ленкаты! Отцу твоему хана.

– Не говори так.

– Ему осталось от силы месяцок.

– Тебе пора, – я встаю.

– Не надо так со мной. Я сама определю, когда пора, а когда нет! – голубые шары вылезли из орбит и транслируют высший накал агрессии.

– Просто встань и уйди.

– Ты охерел?! Ты забыл кто я?! – жилки на нежной шее Лены напрягаются, злость искажает личико, из алых губ брызгают слюни.

– Лена, нам не о чем больше разговаривать.

– Это мне с тобой не о чем говорить! Челядь! – она взяла со стола сумочку и идет к выходу, с силой толкнув меня.

– Лена.

– Что?!

– Книгу оставь.

Томик Маркеса не отлеплялся от руки. Осознав машинальность действия, клиптоманка заявляет:

– Херня, – и бросает на диван Маркеса с его шлюшками.

Дверь с шумом захлопывается за Леной.

Я сажусь на диван. Читаю первое, что попало на глаза в открытом томике колумбийца: «Но точно отравленное питье: там каждое слово было ею».

Папа точно все слышал. Иду к нему в комнату. Сажусь рядом. Включаю прикроватную лампу.

– Ты же не думаешь, что она права? – спрашиваю я и смотрю на свои ладони.

– Женщины, бывает, пахнут так приятно, как цветы. И выглядят красиво. Но на вкус – горечь. Нужно искать тех, что пахнут хлебушком. С ними тепло, – говорит старик и смеется.

– Не нужно было ее впускать.

– Она еще молода. Еще поймет, что глупость сказала. Или не поймет. Не важно. Тебя это не должно волновать.

– Мне она нравилась.

– Жизнь – это не только черные и белые пятна, это ещё красные и бордовые пощечины, – отец захлебывается в кашле и толкает меня, прогоняя.

Папа всегда считал себя не в праве быть слабым. Даже сейчас, когда болезнь забирала его и оправданно делала немощным и неспособным контролировать себя.

Следующий курс химиотерапии через месяц. Ухудшений врачи не наблюдают. Стагнация. Ни хорошо – ни плохо. Нет ничего хуже ожидания. Боли иногда приходят. Организм быстро привыкает к наркотическим дозам в обезболивающих. Поэтому их требуется в два раза больше. А столько не дают. Нам ничего другого не остается, как обращаться к дилеру с травой. Папа курит немного. Не ржет, не чудит, просто улыбается и засыпает. С дымом его отпускает из своих цепких объятий боль. Нам бы продержаться еще немного. А там уже заплаченный курс. Может, премию Кобровна выпишет. Справимся.

Затяжной кашель отца стихает, и я погружаюсь в шаловливые строки колумбийского писателя. Перечитанные не раз страницы заставляют переживать чувства девяностолетнего старика. Прожить сто лет одному, чтобы встретить ту самую. Перебрать сотню женщин, чтобы дожидаться единственную. Маркес неожиданно точно описывает одиночество в окружении толпы людей. «Столько людей и всего один твой?» – А где он, мой человек?

Когда я оторвался от книги, на улице уже было темно и горели фонари. Сколько мне отпущено лет, и успею ли найти «свою»? Многие живут десятилетиями с теми, с кем не связаны эмоционально. Им просто так удобно, привычно. Создают впечатления благополучных, а глаза тусклые. Для таких – каждый день каторга. Зачем тогда вот так жить, если для себя все уже решили? Решили, что для них все кончено, и искать свою половину не надо. Лучше уж найти и умереть, чем не найти и вечность мучиться.

Резкий кашель с задыхающимися порывами из комнаты папы отрывает от раздумий. Я вскакиваю и бегу по темной квартире, ударяясь то правым, то левым плечом о косяки дверей.

В полутьме виден силуэт отца. Отец сидит на кровати и, хрипя, старается вдохнуть воздух. С кашлем выдыхает. Он держит руки на груди, чтобы кашель не так сильно разрывал ее.

Подбегаю, отец отталкивает меня. Упрямый старик! Снова по темным коридорам – на кухню. Свет. Аптечка. Ничего нет.

Хватаю зажигалку. Бегу в свою комнату. Разрываю подушку – на пол падает пакетик с марихуаной. Из соседней комнаты слышен стон. Кашель сменился на приступ боли.

– Сейчас, пап, сейчас, – зубами вскрываю упаковку. Беру горсть зеленой соломы и утрамбовываю в пустышку сигареты. Забегая в комнату отца, снова ударяюсь плечом о дверной проем. Кладу отца на свои руки и раскуриваю косяк. Клуб дыма падает на страдающее лицо человека, погруженного в ад.

– Дыши глубже, – делаю сильнее затяжку и выпускаю облако сизого дыма. Отец вдыхает. Еще облако. Стон становится тише. Еще затяжка – и отец снова вдыхает. Уже без стопа. Наконец, я слышу его ровное дыхание.

– Обещай мне, что не станешь размениваться, – открывая глаза, произносит мой папа, – и найдешь свою девочку.

Даже сейчас он говорит про девочек. Я, усмехнувшись, поджимаю губы.

– В каждой женщине скрыта частица мужчины. Будешь собирать себя по частям с разными – не соберешь никогда. Я не смог, и ты такой же, – продолжает отец. – Я очень любил твою маму.

– Обещаю, пап, – мои губы побелели – до того сильно я их сжал. И глаза наполнились слезами. Прижав свою голову к его, я шепчу. – Обещаю.

Рот его слегка дрогнул – он услышал меня, прежде чем уплыть.

Всю ночь я рыскал по инету в поисках нужной клиники в Израиле. «Там лечат на последних стадиях», «с того света вытаскивают пациентов», «лучшие специалисты». Читал и понимал – нам нужно срочно туда. Продадим квартиру – этих денег должно хватить. А живым проще будет решать финансовые проблемы. Нужен выездной нотариус. Оформим продажу квартиры на дому. Я искал, искал, искал... –

Оторвавшись от экрана, давил ладонями на уставшие глаза и растирал затекшую шею. За окном было уже утро.

Отец еще не вставал – уж очень тяжелая выдалась ночь. Нужно торопиться. Квартиру продадим на треть ниже рыночной стоимости. Так что пока будем проводить сделку, параллельно решится вопрос с предварительной визой.

Я так вдохновлен этим решением, что совсем не хочу спать.

– Пап, знаешь, что я думаю,.. – с этими словами я захожу в его комнату. Отдернул шторы, и пыль заблестела в утреннем солнце, – к черту все. Поехали в Израиль. И не спорь. Там все сделают наверняка. Отличные специалисты. А море там какое. Нам здесь делать точно нечего. Поддерживаешь?

Я подхожу к кровати. Папа лежал неподвижно. От белой простыни, которой он накрыт, как от сугроба, повеяло холодом.

– Пап, – осознание пришло ко мне раньше слов. – Пап! – позвал я тише.

Его глаза закрыты, а лицо спокойно. Грудь не вздымается – он не дышит... Он теперь там, где тело не разрывается на части от боли, и состояние только одно – счастье.

Через два часа на кухне участковый переписывает себе данные паспорта, а санитары несли в машину носилки с частичкой меня.

– Подпиши здесь, – бюрократическим голосом обратился человек со звездами на плечах. Ручка легла в мою руку и сама поставила закорючку на сероватом бланке.

– Остальное решите в морге, – участковый поспешно собирает документы в черную папку. Дверь с металлическим лязгом захлопывается за ним. Стало совсем тихо.

Иду по улице. Соседи смотрят на меня. И не просто смотрят – они оценивают, насколько сильно я любил отца. А я и не знаю, насколько. И еще не понимаю, что значит потерять его

навсегда. Такие вещи осознаешь, когда говоришь «тебя сейчас не хватает» или «ты бы знал, что делать» или «вот этим моментом с тобой хочется поделиться». А делиться и говорить уже не с кем. Вот только сейчас, вытирая мокрые щеки, думаю, что нужно было спасти его еще раньше. Нужно было не слушать его, а продавать все сразу и ехать лечиться.

Я в магазине. Стою перед прилавком.

– Что вам? – равнодушные рыбы глаза продавщицы смотрят на меня.

– Две, – показываю на водку и кладу мятую купюру в руку этой женщины.

– Возьми закуску, здоровяк, – из-за спины доносится мягкий, с хрипотцой, голос.

– Что? – я оборачиваюсь.

– Чтобы было не так плохо, нужно закусывать, – невысокого роста девушка улыбается одними лишь глазами.

– Беру не для праздника, – я отворачиваюсь к кассе.

– Тогда тебе нужен собутыльник.

– Возьмите, – продавщица протягивает пакет с водкой.

– Пошли, – обращаюсь я к девушке.

Она идет за мной, и я чувствую на себе ее любопытный взгляд.

...– Заходи. Не разувайся, – она проворачивает дверной замок на два раза – останется. Возможно, надолго.

Мы сидим на кухне. Лицо, обрамленное черными, как смола, волосами, смотрит на меня с состраданием.

– Он был хороший человек?

– Лучший, – выпиваю полный стакан водки.

– Не наливают так много, – она отпивает из своей рюмки и морщится.

– Наливают столько, чтобы хватило.

– Давай поесть приготовлю, – девушка открывает кухонные шкафы. Блестят ее волосы, идеально уложенные в каре.

Наливаю еще один полный стакан и тут же выпиваю. Онемевшее горло уже не чувствует мерзости напитка.

Моя незнакомка моет кастрюлю.

– Есть пожелания по еде? – ее мягкий голос укачивает.

Отрицательно качаю головой. Злость на себя все еще клокочет во мне. Заливаю ее новой порцией водки.

– Знаешь, когда у меня мамка умерла, думала покончу с собой, – тем временем говорит девушка. – А потом как-то проще стало, легче. Не зря говорят: время лечит. Подождать надо.

От ее голоса меня совсем укачивает. Водки в бутылке уже на самом дне. Кто эта девушка? И зачем пошла за мной? Она заговаривает меня, забалтывает. Что ей надо?

Встал. Повело в сторону. Оперся о стол. Пошел, шатаясь, к ванной. Стены поплыли, искажаясь. Чувствую спиной ее взгляд. Теряю равновесие. Хватаюсь на ходу за ручку двери и, промахиваясь, лечу головой вниз, задевая острый угол комода. Боли нет. Точнее, есть, но даже на ней не удастся сфокусироваться.

– Ты как? – брюнетка склоняется на до мной. – Вот, блин! – вижу, что она смотрит на свою руку – ладонь в крови. Чувствую, как тепло, сочась из моей головы, расплывается по полу и согревает остывшее следы отца.

Кто она?

Кругом темно.

ОНА 2

Я проснулась с головной болью. Разбудил меня грохот кастрюль. Полторашка опять готовит. Мы столько не едим, сколько она производит. Но ее невозможно остановить. Она привыкла готовить на большую семью, и этот процесс для нее означает одно: она нужна. Полторашка уверяет, что может часами стоять у плиты и что для нее готовка – лекарство от депрессии.

Захожу в кухню.

– Привет!

– Ой, доброе утро! – от неожиданности она чуть не выронила деревянную лопатку.

– Что мы вчера пили? Голова раскалывается.

– Ничего такого. Да и немного. Может, это старость? – Полторашка хихикает.

– После твоего рассказа про бывшего и про то, что ты решила не возвращаться к нему, нам ничего другого не оставалось, как открыть просекко.

– Как оказалось не у меня одной разбитое сердечко.

– Я его любила. Во всяком случае верила в это.

– И у меня та же история. Но я другого воспитания. И он так меня разозлил, что хотелось ему хоть немного, но испортить жизнь.

– И поэтому ты украла его бабки и собаку.

– Ну скажи – она чудо, – Полторашка садится на корточки, взяв на руки чихуахуа, которая все это время сидела у ее ног. – Она – чудо!

Собака лизнула ее в нос.

– Это разве не он?

Подруга переворачивает собаку хвостом к себе:

– А, как проверить?

– Ты точно отсталая. Если два хвоста, то это мальчик. Не ищи. Это мальчик. И еще какой.

Мы засмеялись в голос.

– Назову его Принцем. И еще я прошлась гвоздем по его новенькой бэхи, – напоминает Полторашка, и лицо этой девочки становится невинным-невинным: так трогательно она приподняла бровки и скромно-виновато улыбается.

– Собаку он бы еще простил, но тачка,.. – я нахмурилась. – Мужики их любят больше, чем своих жен, мам и друзей. Это же продолжение их достоинства.

– Да, – Полторашка махнула рукой, поставив собаку на пол, – там больше понтов. Главное, меня отпустило. Давай поторопись, – она ставит передо мной тарелку овсяной каши с лепесточком мяты и выложенными узором свежими ягодами. – Нам выходить через сорок минут. Тебе еще нужно привести в порядок себя, – она убирает мой повисший локон с лица за ухо, – ну и меня, конечно. Ты же не можешь появиться там в виде лохушки.

– И куда мы собрались?

– Ты, – уточняет Полторашка, – на работу. Или хочешь опять выйти на подработку в бар?

Иногда я подрабатывала девочкой, подливающей в баре алкоголь. Форма одежды была до неприличия вызывающей: маечка с декольте до пупка и коротенькие шортики. Консумация.

Мужчины липли ко мне и всем видом демонстрировали щедрость. С каждой проданной стопки я имела сто рублей. С бутылки – две тысячи. За ночь зарабатывала четыре-шесть тысяч. Неплохо. Но большую часть денег съедала квартплата, транспортные расходы и покупка еды на двоих. Женя был в нескончаемом поиске работы. Не мог же он устроиться куда попало, фашист.

– Особой радости нет, – вздыхаю я, – но там можно заработать нормально за вечер.

- Спаивая мужиков, которые хватают тебя за зад?
- Ну, да, стремно. Но в спорт не вернусь.
- У меня идея куда лучше.

Мы приехали в центр. Метро Лубянка. Идем по Театральному проезду. Остановились напротив старинного двухэтажного дома.

- Нам сюда, красотка, – Полторашка озорно смотрит на меня.

Из огромных панорамных окон бьет желтый свет от изобилия теплого золота за ним. Он пробивается через стальные французские кружева полукруглого навеса и освещает изысканно выписанное название.

Я восхищенно произношу про себя молитву, и она звучит как «Дольче и Габбана».

- Прикрой рот, это не та организация, – Полторашка зачихала, смеясь.

- Что мы здесь делаем?

– Ты отличный визажист. У тебя талант. А им сейчас требуется профи. Короче. Подруга сказала, «по большому секрету», что у них сейчас проходят собеседования на постоянную ставку визажиста. Тебе туда.

- О, нет... Где они и где я?

– Помнишь, ты как-то рассказывала про случай, когда мужик пробку организовал, остановившись по середине Садового кольца? Он еще сигналил и приглашал тебя сесть в свой красненький, новенький и наглухо тонированный «Ренж Ровер»?

- Ну.

- Ты была его достойна?

Я киваю.

- Села бы сейчас в ту машину?

Я киваю снова. Почему бы и нет?

– Вот он твой красненький и новенький «Ренж Ровер». Открой дверь и скажи «Здравствуйте»! – с этими словами она подталкивает меня ко входу.

Передо мной распахивает двери швейцар. А с той стороны уже ждет стильно одетая красотка, с оценивающим взглядом.

- Добрый день! – улыбается она.

- Здравствуйте.

Через десять минут я сижу на втором этаже в приемной управляющей московским филиалом «Дольче». Ладони вспотели, и в горле сухо. Я достаю антидепрессант. Закидываю две таблетки. Главное, не мешать с алкоголем и с энергетиками. А свою норму я знаю. Запиваю и замираю.

- Анна? – от требовательного голоса я аж поперхнулась.

- Да.

– Меня зовут Ольга Евстигнеевна. Отборочный конкурс, Анна, уже прошел, – женщина сильно за сорок, подтянутая в строгом костюме, прожигаяще смотрит мне в глаза, затем переводит взгляд на левую скулу, где тонкая надпись сообщала миру, что я «baby girl».

Я не дрогнула. Мне нечего стыдиться. Татуировка – часть меня.

- Конкурс?

– А вы предпочли бы другой способ оценки профессионализма? Это не вакансия на должность продавца в общепит. И у нас уже есть кандидатура на место визажиста.

– Я умею преобразовать людей. И настолько делаю это хорошо, что могу под мейкапом скрыть истинную личность.

- Это похвально. Но, боюсь, вы зря потратили время, – уже раздраженно отвечает она.

- Я точно смогу выиграть. Побеждать – у меня в крови.

- Что?

– Дайте мне один шанс, и я вас не подведу.

– Сколько в вас «Я». Через край, – Ольга Евстигнеевна смеряет меня властным взглядом. Но сменяет высокомерную брезгливость на притворную доброжелательность. – А знаете что, приезжайте сегодня к девяти. Вам известна башня «Федерация»? – я киваю. – Семьдесят шестой этаж. Сегодня там будет частное мероприятие. Мы демонстрируем новую коллекцию. Что-то вроде показа. Мейкап на выезде, – она трясет тонкими пальцами перед лицом. – Нужно будет девочкам попудрить носики.

– Я согласна.

– Если мне понравится ваша работа, то... Хотя, не будем загадывать. Номер вам даст моя помощница. Девушка, что вас сюда привела. До вечера, – не дожидаясь ответа, Ольга Евстигнеевна скрывается за массивной дверью.

Без десяти девять мы с Полторашкой поднимаемся на лифте башни «Федерация».

– Ваша задача максимально быстро сделать мейкап девочкам, – сопровождающая нас девушка заметно нервничает. Но дорогие вещи на ней компенсируют мандраж. Они сидят идеально. Трикотажный черный топ с высоким воротником огибает острые плечи, локти, длинную шею и идеально круглые полусферы груди. Двухслойная юбка с леопардовым принтом сжимает узкие бедра. На черных туфлях с Т-образным ремешком лаконично поблескивают золотом маленькие DG.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.